

Мария
Сакрытина

НИКАКИХ ПРИНЦЕВ!

Мария Николаевна Сакрытина

Никаких принцев!

Серия «Девушка без права на ошибку.

Звезды юмористического фэнтези»

Серия «Сердце Темного
Властелина», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36630864

Мария Сакрытина Никаких принцев!:
ISBN 978-5-17-983170-9

Аннотация

Поцелуй принца снимет заклятие с заколдованной девы? Прекрасно, когда ты красавица днем, а чудовище ночью. Но если наоборот? И где тогда найти принца, который полюбит тебя даже чудовищем? Виола и не ищет – в благородных принцев она давно не верит. И так бы и жила себе тихо-спокойно, если бы не сестра-принцесса из другого мира, которой ну очень не хочется замуж. И почему бы не совместить приятное с полезным: если подсунуть жениху Виолу-чудовище, он сам от свадьбы откажется, правильно? Виола тоже так думала, но принц попался настырный.

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	31
Глава 3,	53
Глава 4,	80
Глава 5,	109
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Мария Сакрытина

Никаких принцев!

Серия «Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези»

© М. Сакрытина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1, где мне делают предложение, от которого я могу, но не хочу отказываться

Наверняка все знают историю про заколдованную девушку, которая двенадцать часов в сутки похожа на тролля. Да, там в конце принц целует бедняжку – вуаля, проклятье снято, и «жили они долго и счастливо»... Да нет же, вы не поняли – бедняга не принц, а девушка! Она же страдала от заклятия каждый день, а принц – только те пару секунд, пока ее целовал. Ну ладно, берем по максимуму: пять минут страдал, хорошо? Сколько времени нужно, чтобы влюбиться? Что, пяти минут мало? Ха! А если полкоролевства в придачу?

Значит, история знакома. Поймите, какой огр? А, вы про

Шрека. Да, наше современное общество ведь против стереотипов, и принц у нас превращается в огра. Прекрасно – то, о чем мечтает каждая принцесса. Ага, конечно, – всю жизнь быть... э-э-э... огрихой? Огром? Огроледи?

В любом случае есть разница между «красавица – днем, чудовище – ночью» и... Ну, наоборот. Днем – чудовище, ночью – красавица. Уж поверьте мне, разница огромная. Хотите знать какая? Днем другие люди (не заколдованные неудачники вроде меня) бодрствуют, и от них не спрячешься. А еще – встаешь утром, плетешься к умывальнику, смотришь в зеркало... А у тебя рожа зеленая. Да-да, в прямом смысле. Нет, не полностью. Частично. Местами... пятнами.

Бородавки это великолепие только органично дополняют. И если бы только на лице... Зато глаза яркие, красные¹. Нет, не как у вампира. У вампира, если вы внимательно смотрели «Сумерки», они бордовые (когда не желтые, да?). А тут – алые. Ярко-алые. Не заметить невозможно. Пройти мимо – нереально.

Что еще? Губы. Ну, не совсем они у меня прозрачные. И не то чтобы как ниточки... Но почти. Ой, да ладно, кого я обманываю – на лицо самая настоящая квакша. Читали «Царевну-лягушку»? Так вот, лично я понимаю, почему царевич лягушачью шкуру сжег. Если его суженая в такую же страхолюдину превращалась, какую я каждое утро в зеркале ви-

---

¹ Да, у большинства лягушек глаза желтые. Но ведьма, проклявшая Виолу, была большим оригиналом. Поэтому Виола чуть-чуть не стала красноглазой квакшей.

жу... То да, любой наказ забудешь. Не для слабонервных зрелище. А мужчины такие впечатлительные, когда дело доходит до женской внешности!

Ну что еще? Хм, пожалуй, вот, в дополнение: я... м-м-м... пухленькая. Не толстушка, но мой силуэт напоминает... шар. Да. Определенно шар. И ноги у меня короткие. И волосы тоже. Короткие, черные и жесткие. И ногти зеленые – всегда, и вовсе не от лака. А между пальцами перепонки. Думаете, это удобно? Плаваю хорошо? Да, плаваю я хорошо. Зато знаете, как я в начальной школе с прописью сражалась? Представляете, каково это – держать ручку перепончатыми пальцами? Ну вот.

Это днем. Каждым днем. А ночью, стоит солнцу сесть... Увы, не там, где я живу, а в другом мире, откуда родом моя мать, так вот, стоит там солнцу сесть, как я – красавица. Писаная красавица, не на что жаловаться: девяносто – шестьдесят – девяносто, длинные волосы натуральной блондинки, синие глаза, пухлые губы. Барби.

Все это не особенно мне помогает, ибо солнце в том мире заходит всегда в одно и то же время – когда в Москве полночь. Согласитесь, если ты лягушка в дневное время, найти принца, который соблазнится твоей благородной душой и золотым сердцем, мягко говоря, сложно. А да, плюс твой отец не король.

Нет, у моего папы частный бизнес, преуспевающая фирма, но современные «принцы» хотят что-то еще, кроме кон-

трольного пакета акций, чтобы без памяти влюбиться в заколдованную «принцессу». А без поцелуя любви мое проклятие не снять.

Все началось еще до моего рождения: папа был толкинистом и на очередной ролевке замутил с ведьмой. Он же не знал, что она окажется настоящей черной колдуньей из другого мира! Я это к тому, что толкинисты хоть в плане параллельных миров и продвинутые ребята, но как-то не догадываются, что в их тусовку могут влиться настоящие маги.

Так что, когда месяц спустя на следующей ролевке папу закадрила на этот раз фея (да, папа у меня видный даже сейчас, а уж в молодости и подавно), он легко попал в розовые сети любви, последствия которой оказались неожиданными для всех. Папа испытал магию на собственной шкуре: отвергнутая колдунья превратила его в осла. А фея неожиданно для себя влюбилась (нет, не в осла, а в папу-человека). Сильно, аж на год (а это серьезный срок для феи). За это время она нашла папу, расколдовала, вышла за него замуж и родила меня. Увы, они забыли пригласить на свадьбу ту самую колдунью, и она обиделась. Колдуньи вообще близко к сердцу принимают каждый раз, когда их забывают куда-то пригласить. Отсюда правило: никогда не забывайте про колдуний, а то они о себе напомнят. Папина колдунья напомнила проклятием дочери, то есть меня. Мама уверена, что это было проклятье лягушки. То есть я должна была полностью стать лягушкой. Но что-то пошло не так, и я стала... Вот тем,

что вижу в зеркале каждое утро.

Самое забавное: когда мама с той колдуньей разобрались (читай, поцарапали друг-другу лица и повырывали волосы), то обе пришли к выводу, что все мужики – козлы. Мама ушла от папы, оставила ему меня, а сама вышла замуж за какого-то принца у себя там... Ну, там, в другом мире. Принц потом стал королем, ветренная фея – его королевой... На три месяца. Ну, знаете этих фей, у них в голове одни цветы. А колдунья вроде бы живет у себя в башне старой девой и уже завела сотню кошек. Или превращает кого-то в кошек, не знаю. Меня она расколдовать не может, как, впрочем, и мама: только поцелуй настоящей любви справится с проклятьем (и если вы подумали про Эльзу с сестрой или Малефисенту, то нет, со мной не прокатит – это должен быть именно влюбленный в меня юноша). С тех пор я полулягушка. Днем. Комаров ем, когда папа не видит. Квакаю перед дождем, когда никто не слышит. В общем, ничего так, живу себе потихоньку. И если бы не папа, все было бы просто замечательно.

С ролевками он после феи с колдуньей, конечно, завязал. Ударился в работу. Не женился. Вкусил жизнь отца-одиночки. Говорит, интересный опыт. У нас прекрасная семья, мне не на что жаловаться – папа у меня замечательный. Но почему-то считает, что за шестнадцать лет я еще не привыкла к «лягушка – днем, принцесса – ночью», оттого страдаю, и меня нужно кровь из носу расколдовать. «Жабенок мой, ты столько теряешь!» М-да... Иные мамы так над своими

дочерьми не трясутся, пытаюсь устроить их личную жизнь! Папе совершенно невдомек: за шестнадцать лет я привыкла к тому, что люди воротят от меня нос, и даже в метро в час пик вокруг меня пусто. Он еще не понимает, что меня это совершенно не волнует: странно завидовать одноклассницам-красоткам, когда ты краше их в сотню раз. Правда, только ночью. Но все же. И они бегают на свидание с парнями, которые на такую, как я днем, смотрят, точно я... ну, лягушка, а ночью (реши я показаться им на глаза) уложатся к моим ногам штабелями. Это же очевидно: их не волнует, что у меня доброе сердце или золотая душа. Или на литературе я круче всех. Главное, что у меня с лицом. Да сдались мне такие! Пустышки.

А других нет – папа это никак не поймет.

Поэтому практически каждую пятницу я оказываюсь в каком-нибудь крутом ресторане, где, если явишься в джинсах, даже официанты начнут странно коситься и где меню листашь, как учебник по иностранному языку. Там я, говоря словами папы, социализируюсь. Процесс социализации проходит так: папа вместе с кем-то из партнеров или друзей (что часто одно и то же) обсуждает какую-нибудь политическую занудность или экономику, а я с моей, хм, социализацией сидим рядышком и пытаемся смотреть куда угодно, но только не друг на друга. Как-то так получается, что у партнеров-друзей папы полно сыновей примерно моего возраста. И большинство из них хоть сейчас на обложку журнала.

– Ну улыбнись же, жабенок! – тихо бросает мне на ухо папа спустя полчаса.

Я поднимаю голову от тарелки, ловлю взгляд моего визави и растягиваю губы в исключительно дружелюбной улыбке.

Визави отшатывается вместе с креслом.

Спустя десять минут отец бедняги тоже что-то шепчет ему на ухо, после чего следует приглашение на танец, сказанное так напряженно и отстраненно, будто нас уже повенчали, близится первая брачная ночь и несчастный жених пытается объяснить, почему он не хочет со мной спать.

С новой, не менее дружелюбной улыбкой я принимаю приглашение, и меня выводят (аккуратно, стараясь не касаться перепончатых пальцев) на паркет.

Танец это напоминает только при взгляде со стороны. А так – попытка меня не трогать, не смотреть и при этом вести под музыку.

– Не бойся, это не заразно, – снова улыбаюсь я.

– Это?

Киваю.

– Зеленым ты станешь потом, когда напьешься, – подмигиваю. – Да, и вот еще: не удивляйся, в конце этой... попытки тебя попросят меня поцеловать. В губы. У моего отца на поцелуях пунтик. Так вот, если не хочешь меня еще раз увидеть... Не делай вид, что тебе о-о-очень неприятно, ладно?

Тяжелый вздох. И неразборчивое:

– А я так хорошо мог провести этот вечер!

– Да, я тоже.

Эта реплика зарабатывает еще один вздох. И неожиданное:

– А ты неплохо танцуешь.

– Спасибо, – для разнообразия не улыбаюсь. Все-таки мне сделали комплимент, незачем пугать лишний раз. – У меня большая практика.

– Практика?

– Парень до тебя, когда пригласил, повис на мне как будто без сознания, и я тащила его весь танец, как мешок с картошкой, – я подмигиваю. – Так что да, практика.

Это заявление вызывает смешок, впрочем, сдержанный. Не пойму только, нервный или человеку действительно весело?

В конце – после танца и поцелуя – мы оставляем «предков» за их акциями, парламентскими выборами вместе с курсом доллара и расходимся каждый в своем направлении.

– Тебя подвезти?

Да, так тоже иногда бывает. Папины акции или мое обаяние?

Широко улыбаюсь – обычно это действительно производит неизгладимый эффект – и в упор интересуюсь:

– Тебе мало было моего общества? – На этом месте главное, круто разворачиваясь на каблуках, не свалиться.

– Вика, послушай. Мы можем, по крайней мере, сделать вид, что встречаемся... – да, и это иногда предлагают.

Разворот обратно.

– Я Виола, а не Вика. Можем. Зачем это тебе?

– Ну... – чаще всего не отвечают. Хотя, бывает, признаются: новая машина, месяц отдыха без контроля родителей и неограниченный кредит карманных денег. Один раз была даже лошадь.

Круто, когда с тобой встречаются из-за лошади.

– Давай поставим вопрос иначе, – улыбаясь безотказной лягушачьей улыбкой, говорю я. – Зачем это *мне*?

На этом месте следует удивление. Как? Такая уродина – и не хочет похвастаться парнем с внешностью голливудского актера?

Порой мне описывают прелести «свиданий». Кино или «я отведу тебя туда, где ты никогда не была», танцы... Редко, но бывает клинический случай: «Ты хорошо целуешься». Тогда я отвечаю, не переставая улыбаться:

– Аккуратнее, а то я явлюсь к тебе во сне, – или что-нибудь в этом роде. Практика.

А если, как сегодня, в ответ тишина, то я вежливо желаю:

– Спокойной ночи.

Если повезет, мы больше никогда не увидимся.

Не понимаю, почему девчонки в моем классе в школе – да всюду! – так озабочены этими свиданиями? Скука смертная, парни – такие же озабоченные идиоты. Действительно, стоит быть лягушкой днем, чтобы открылась эта простая истина.

Домой я приезжаю в одиннадцать: папа вернется еще поз-

же – пока все акции обсудит... А то и в офис заедет – это вообще надолго. Магия вроде Кольца Всевластия в этих офисах, не иначе.

Первое, что мечтаешь сделать дома: выкинуть к чертовой матери туфли на каблуках, можно вообще все – отомстить той паре, что натерла тебе ноги. Конечно, по закону подлости туфли не согласны – они желают остаться на мне навечно. Язычок застёжки цепляется за ноготь на руке, пока я, сидя на корточках, на последнем издыхании пытаюсь ее расстегнуть. Потом наконец поддается – и я с чувством отпинаваю туфли, они летят через холл, ударяются о дверь гардеробной, заглушая на мгновение рыдание откуда-то из моей комнаты.

Что делает человек, если слышит, как в его предпологаемо пустой квартире рыдают?

Я наведываюсь на кухню – о, это блаженство босых ног по паркету! – заглядываю поочередно в холодильник и в буфет. Щедро насыпаю в вазочку конфеты и ставлю чайник. Чайник уютно пыхтит, тикают часы, что-то шепчет забытое папой с утра включенное радио. Я забираю вазочку и иду, ориентируясь на рыдания.

Красивая, как картинка, как видение романтического поэта, как муза, скрещенная с моделью, – блондинка в розовом полупрозрачном платье лежит на моей кровати и, уткнувшись в подушку, тянет на одной ноте: «И-и-и-и!»

– Привет, Роз, – вставляю я, когда она затихает на мгновение, чтобы перевести дыхание. – Шоколад?

Блондинка немедленно переворачивается – поверьте мне, даже зареванная она безумно красива – и смотрит на меня полными слез, большими синими глазами (от которых мужчины в прямом смысле теряют голову). Всхлипывает, умоляюще протягивает руку.

– Ви-и-и-и!

«Ви» – это сокращенно мое имя. От Виолы.

Я сую ей в руку вазочку и минуту наблюдаю, как Роз набивает рот шоколадом. Ненадолго, но это помогает.

Роз – моя сестра. Розалинда. Помните короля, за которого моя мама вышла замуж после папы? Вот, ему она тоже умудрилась родить дочку. На этот раз никакая колдунья не протестовала, так что Роз выглядит так, как и должна выглядеть помесь цветочной феи с человеком. То есть как очень, очень, очень красивый человек.

В отличие от меня, проклятой и дурнушки, Роз умеет колдовать. Не сильно, ну... Горы не двигает, день с ночью местами не меняет, зато вполне может щелчком пальцев вытащить из воздуха алмазную тиару («Ой, Ви, да какая разница, откуда я ее взяла?»), или заставить цветы разговаривать (никогда не общайтесь с розами. Серьезно – никогда!), или открыть портал к родной сестренке – правда, ненадолго и, как показали эксперименты, сама Роз дальше квартиры не пойдет. Говорит, она не принадлежит этому миру (согласна, это эфемерное создание совершенно не принадлежит нашему миру). Еще она в состоянии забрать в свой мир меня –

и я-то их миру как раз очень даже принадлежу, а значит, в свободе передвижений не ограничена. И, так как по ночам я практически копия Роз, мы частенько разыгрываем там надоевших принцессе придворных. Обычно эти приключения начинаются именно со слез в подушку.

– Ви, моя жизнь кончена-а-а-а!

– Чайку?

– Нет, ты не понимаешь, она совсем, вообще кончена-а-а-а!

– Тогда чайку с ликером.

Чай я приношу в комнату. И не дай бог предложить Роз кофе. Последний раз ее тошнило всю ночь, и она уверяла, что это я ее отравила. Так что кофе – ни-ни. Зато ликер Роз может хлебать бутылками, и ей хоть бы хны. Иномиряне.

Когда вазочка пустеет – параллельно с ликером, – Роз наконец со всхлипом вздыхает и выразительно смотрит на меня. Это значит, пора выпытывать, что же случилось.

– Ну?

Согласна, у меня никогда не получалось делать это как следует, со страстью в глазах, словами утешения и чистым платком наготове.

Роз опять всхлипывает – прекрасные глаза снова наполняются слезами.

– Меня 3-3-замуж в-в-выдают!

Да, это, конечно, большая трагедия. Особенно для прекрасной принцессы, в которую все обязательно влюбляются

с первого взгляда. Ну, максимум со второго.

Не найдя в моем лице сочувствия, Роз надувает губки и снова тянется за конфетами. Я подливаю ей в чашку ликер.

– За кого?

– Я не зна-а-аю!

– А в чем тогда проблема?

– Ви, ну ты как всегда! – всхлипывает Роз. – Как ты не понимаешь: моя жизнь кончена!

– Не понимаю.

Роз вздыхает. И раздражается объяснениями. Оказывается, ее отец организовал дочери брак по расчету с иностранным принцем. Нет, не прямо сейчас, а через три года, когда Роз закончит учебу – к слову сказать, в самой крутой школе их мира. Принц учится там же – венценосные родители с обеих сторон решили, что молодые как раз успеют познакомиться и, по возможности, влюбиться. В общем, узнают друг друга поближе.

– Так в чем проблема?

– Ви! – патетично восклицает сестра и допивает остатки ликера прямо из бутылки. Никогда не видели красавицу блондинку в розовых рюшках, хлещущую малиновый ликер из горла? И хорошо – не для слабонервных зрелище. Начинаешь думать: что-то в мире идет не так. – Ну представь: я – и школа? Меня – в школу?!

Я действительно представляю Роз за учебниками. И да, мне становится смешно. Честно говоря, не совсем уверена,

что моя сестрица умеет читать... Хотя рецепты по зельям для красоты она же как-то разбирает... Впрочем, там полно картинок. Я еще раньше думала: зачем?

– Но тебе же не нужно становиться ученым, Роз. Отец у тебя дневник проверять не станет, верно? Тебя же отправляют, просто чтобы ты с женихом познакомилась, приятно время провела. Может, он тебе понравится? Представь, он же принц и...

– Ви, ты рассуждаешь, как начитавшаяся романтических книжек крестьянка, – обрывает сестра. – Хочешь, я открою тебе большой секрет: что делает принцесса после замужества?

– Не хочу.

– Так вот, – не обращая на меня внимания, продолжает сестра, – принцы, Ви, делятся на две категории: те, что будут править, и те, что будут бить драконов, троллей и прочих несчастных ранимых личностей. Следовательно, первые сажают принцессу в башню, чтобы не мешалась, пока они зарываются в пыльные свитки законов. А вторые уезжают на подвиги. И как ты думаешь, что делает в их отсутствие жена?

– Развлекается на полную катушку, пока мужа невесть где носит?

– Сидит в башне и машет вслед платочком!

Пауза. Роз с грустным лицом шарит рукой по дну пустой вазы. Шоколад закончился. И в вазе, и в холодильнике, и вообще дома.

– Ну ладно, я поняла масштаб трагедии, – прерываю тишину я. – И что теперь делать мне?

– Конечно, жалеть меня!.. Ви, будь другом, сходи за шоколадом.

Я ставлю пустую вазочку на стол.

– Роз. Мне тебя. Очень. Жалко.

Снова пауза. Мы сверлим друг друга взглядами. Забавная, наверное, картина: человеколягушка и сказочная блондинка на кровати, усеянной фантиками, наклонив головы, исподлобья таращатся друг на друга.

Снова я не выдерживаю первая:

– Рассказывай. Теперь правду, Роз. Если бы ты хотела, чтобы тебя пожалели, ты бы выбрала в утешители не меня. Вместе с тобой сейчас рыдала бы вся ваша столица, если не вся страна, а принцу бы уже слали вызовы на дуэль. Так в чем дело?

Роз вздыхает. Опускает голову. Опять смотрит на меня – умоляюще. Если бы Роз жила в нашем мире и этот взгляд сфотографировали, кот из «Шрека» никогда бы не получил столько лайков – не выдержал бы сравнения.

– Я хочу... – дальше неразборчиво. И Роз мгновенно отчего-то краснеет.

Удивленная – впервые вижу, чтобы она смущалась, – я наклоняюсь ближе.

– Еще раз.

– Я хочу... стать... акс... й! – и смотрит на меня своими

громадными синими глазами.

Гляжу в ответ. Мимо пролетает комар. Очень хочется его съесть.

– Кем-кем ты хочешь стать?

– Актрисой! – тоненько выкрикивает Роз, красная как рак. – Я хочу стать актрисой!

– Зачем?

Сестрица взмахивает длинными ресницами.

– Мм, Ви... Я думала, ты будешь смеяться.

– погоди, я просто еще не осознала. Так зачем тебе быть актрисой? Ты же, черт возьми, принцесса!

Роз отводит взгляд и рассказывает, постепенно увлекаясь, как ей хочется повидать мир, стать свободной и «вообще, Ви, это же так приятно – перевоплощаться в других людей». Она распаляется, а меня и впрямь тянет смеяться... Но знаете, она ведь моя сестра. И если хочет стать, хм, актрисой – ну пусть станет. Что я ей и говорю.

– Понимаешь, Ви, – отвечает Роз, – папа как раз рассмеялся.

Киваю. Вытаскиваю заначку шоколадки из прикроватной тумбочки – черный день для Роз все-таки наступил. Съедаем вместе.

– В общем, – сообщает после паузы Роз, – я решила сбежать. – И снова предвкушающе смотрит на меня.

Я опять не оправдываю ее ожиданий.

– Сбегай.

– Сбегу, – кивает Роз. – Только, Ви, знаешь, папу подводить тоже не хочется. У него на этот брак какой-то договор завязан. Я не поняла какой, хотя папа весь день мне объяснял. Но вроде как отказываться нельзя, иначе мы этот договор не получим...

– Не сбегай.

– Но я же хочу стать актрисой!

– Выйди замуж и стань актрисой. В чем проблема-то?

– Хочу сейчас! – капризно хмурится Роз.

– Ну тогда сбегай, и к черту папу.

– Да-а-а, к черту! Я его тоже люблю. У меня папа хороший, – Роз надувается, как блондинка над шоколадной фольгой. – Нет, Ви, у меня к тебе предложение. Понимаешь, мне от свадьбы отказываться нельзя. Но я тут подумала... А что, если жених откажется?

– От тебя? Только если он слепой. Да и то вряд ли, – усмехаюсь я.

Роз в ответ несмело улыбается.

– Ну так вот, я тут и подумала... Давай вместо меня ты с ним познакомишься, а?

Не могу сказать, что предложение получилось уж совсем неожиданное. На самом деле несколько раз мы такое уже проворачивали: я являлась вместо Роз на свидания к ее уха-жерам, которые сестре не нравились, но встречаться было надо, ибо «папенька очень просил». После общения со мной ухажеры немедленно делали то, чего от них хотел папенька

Роз, – только бы больше меня не видеть. Впрочем, пару заезжих принцев я все-таки отправила искать спасения от проклятья, которое якобы наслали на Роз с их прошлой встречи. Сестра всегда говорила потом отцу, что эти принцы «даже целоваться не умеют». Наверное.

– Хм. А школа, Роз? Я вообще-то колдовать не могу.

– Вот, я тут еще подумала... Ви, а может, ты заодно и из школы за меня вылетишь? Папе будет все равно, если помолвку расторгнут, а мне там три года не мучиться...

Я отворачиваюсь. На самом деле сейчас лето, скучно, и если остаться торчать в Москве, то придется по папиной просьбе ходить на эти идиотские встречи в ресторанах или готовиться к выпускным экзаменам, что, конечно, чуть-чуть веселее, но не сильно. А вот посмеяться над незнакомым принцем... И безнаказанно устроить Роз красивое исключение из школы? И мне за это ничего не будет... Что я теряю?

Остался один момент.

– Желание, Роз. Без ограничений. Я помогаю, а ты потом исполняешь любое мое желание. Согласна?

Сестра усмехается. Так мы с ней тоже уже играли. Последний раз с ее помощью я отомстила однокласснику, который решил, что цель его жизни – сообщить всему свету, какая я уродина. Умник даже в гости ко мне, хм, пробрался... Ничего, он на фотографиях в Интернете тоже забавно смотрелся. Особенно когда Роз его поцеловала... Да, здесь нужно сделать маленькое отступление: Роз – дочь цветочной феи, и

после поцелуя она натурально может делать с мужчиной что угодно. Тот будет только улыбаться и исполнять все, лишь бы она целовала его еще. Поэтому умные люди с цветочными феями никогда не целуются.

– Хорошо. Желание. Только завтра будь готова, Ви.

Я киваю, и довольная сестра растворяется в воздухе, оставляя после себя стойкий цветочный запах.

Проветриваю комнату. Убираю с кровати фантики. Долго рассматриваю «шоколадные пальчики» на белом покрывале – аккуратно на морде снежного тигра. Тигра очень жаль. Иду в ванную, отправляю покрывало в стиральную машинку. Слышу, как поворачивается ключ в замке входной двери, выпрямляюсь – и тут меня застигает превращение.

– Виола, ты еще не спишь? – заглядывает в ванную папа, и я вижу, как расплывается на его лице улыбка...

– Па-а-ап! – Из зеркала на меня в ответ глядит, пожалуй, даже улучшенная копия Роз. Впрочем, мне каждый раз так кажется – на контрасте с «лягушкой».

– И почему ты никогда не ходишь на свидания после полуночи? – качает головой папа, выгоняя меня из ванной.

– Даже не знаю, пап. Может, я просто хочу, чтобы они полюбили меня, а не куклу Барби? Между прочим, ты в курсе, что то, что ты сейчас спросил, не скажет ни один вменяемый отец шестнадцатилетней дочери?

– Жабенок мой, ты же копия своей мамы, – смеется мне вслед папа. – А уж я знаю, на что способны феи. Между про-

чим, если еще не легла, подожди меня. У меня к тебе серьезный разговор, – и хлопает дверью.

– Да-а-а, пап, у меня тоже...

– Виола, пойми меня правильно, – теперь уже папа сидит на моей кровати, застеленной пледом с кошками. Идиотским пледом со смешными кошками. У той, что смотрит сейчас на меня, явственно косит левый глаз. – Пожалуйста. Я не хочу на тебя давить, или настаивать, или, не дай бог, заставлять... Но тебе шестнадцать лет, и уже пора подумать о будущем.

В двенадцать ночи самое время думать о будущем.

– Папа, я уже все решила. – Теперь надо выдержать театральную паузу... – Я хочу стать моделью!

– Ви, я не уверен, что ты найдешь модельное агентство, которое будет работать только по ночам... А, понял. Ты так смеешься.

Я и правда смеюсь.

– Да, пап. Прости, но я сейчас не хочу думать о будущем. Давай как-нибудь потом? В будущем.

Папа вздыхает. Внимательно смотрит на меня. Снова вздыхает.

– Ладно. Но я напоминаю: тебе шестнадцать, и если ты в ближайшее время не определишься с университетом, я отправлю тебя в Бауманку.

– Почему в Бауманку? – изумляюсь я. – Пап, у меня трояк по математике! Какая Бауманка?

– Потому что там на девяносто процентов мальчиков по статистике десять девчат, – отзывается папа. – И эти десять в лучшем случае выглядят как...² В общем, неважно.

– Ничего, по сравнению со мной, дневной, они будут королевами, – усмехаюсь я. – Пап, я не хочу замуж.

Папа снова вздыхает.

– Виола, скажи мне честно... тебе нравятся девушки?

Пару мгновений до меня доходит смысл вопроса. Точнее... э-э-э... все... смыслы.

– Что?! Па-а-ап! – Он невинно глядит на меня. – А, понятно. Ты так шутишь. Не смешно!

– Тогда в чем проблема с парнями вокруг?

– Проблема? Может, то, что они все озабоченные ничтожества со стереотипами в голове вместо мозгов?

– Виола, ты понимаешь, что ты сейчас говоришь с одним из таких же озабоченных, только слегка повзрослевшим?

Слегка.

– Пап, мне не нужны отношения. Правда. Мне хорошо одной, серьезно! Посмотри на меня – кто мне еще нужен?

Папа смотрит.

– Да уж. Ладно, жабенок, я узнаю, есть ли в Москве ночные агентства, которые не снимают моделей в стиле «ню». Но насчет Бауманки я не шутил!.. Так о чем ты хотела погово-

---

² У отца Виолы необоснованно пренебрежительное отношение к студенткам МГТУ им. Баумана. Наверняка до ведьмы у него был роман с кем-то из них, и он плохо закончился...

ворить?

– Пап, Роз заглядывала...

– Нет.

– Что «нет»? Я ведь еще ничего не сказала!

– Я знаю твою сестру, Ви, – улыбается папа. – Хочешь угадаю? Она предложила тебе навестить ее в мире твоей матери, а попутно разыграть какого-нибудь уродца, или недотепу, или неуклюжего толстосума, посватавшегося к юной прекрасной принцессе. Ну как? Я угадал?

– Э-э-э... Да.

– Отлично. Нет. Ты остаешься дома и думаешь о будущем.

– Но, па-а-ап!

– Виола. Пора. Хватит, ты достаточно развлекалась. У тебя трояк по математике! И ты еще ни разу ни с кем не встречалась! В шестнадцать-то лет.

– Пап, Роз хочет стать актрисой...

– Порно?

– Па-а-ап! Но серьезно, вот посмотри, она уже подумала и решила...

– Виола, последний раз, когда твоя сестра подумала и решила, ты явилась домой под какой-то дурью...

– Это была розовая пыльца!³

---

³ Имеется в виду «пыльца фей», основной пункт экспорта королевства фей – Зачарованных Садов. Была запрещена во всех королевствах... ровно сутки, пока королева фей об этом не узнала. После ее «уговоров» пылью разрешили везде и даже не обложили пошлиной за ввоз, а также пошли на другие послабления, что вызвало у некоторых королевств брешь в госбюджете и скачок инфляции.

– От которой потом весело хихикало все отделение нар-
кологии...

– Куда ты зачем-то меня потащил! Пап, кто старое помя-
нет...

– Виола, нет.

Вздыхаю. Ладно, и впрямь последний раз... Потерплю.

– Пап, а давай, когда я вернусь, поеду с тобой на охоту?
На дачу к этому... как его... Ну, ты понял. У которого сын
рыжий такой идиот с... Постой, он же в Бауманке учится?

Папа задумчиво смотрит на меня и медленно качает го-
ловой.

– Обещаешь? И? Как долго займет эта ваша с сестрой...
шалость?

– Два месяца.

– То есть все твои каникулы, которые ты могла бы потра-
тить с пользой на исправление трояка по математике.

– Пап, да исправлю я этот несчастный трояк! Дай мне нор-
мально отдохнуть хоть это лето, а?

Пауза. Довольно долгая, задумчивая тишина...

– Хорошо. Но никакой пыльцы, никаких танцев на столе
в стиле «а мне не слабо» и никаких вин, коньяка, ликера и
вообще спиртного. Ясно?

– Ясно...

Папа кивает. Тянется ко мне – я подставляю щеку.

А потому что никогда не стоит перечить красивой женщине (особенно если она
фея).

– Спокойной ночи, моя фея.

– Спокойной ночи, пап...

Моя очередь закрываться в ванной. Под шум прохладной воды думается всегда хорошо – и я думаю. Представляю, какой должна быть лучшая школа сказочного мира. И как там воспримут лягушку... Конечно же, как везде.

Куда веселее представлять физиономию принца, когда вместо феи он увидит заколдованную меня...

Я выхожу из душевой кабинки, вытираюсь и замираю перед зеркалом. Золотоволосая красавица глядит на меня в ответ – само отражение словно шепчет: «Ты прекрасна».

Красавица ночью, чудовище днем... Я куда сильнее привыкла к «лягушке», но эта... Эта фея – она ведь тоже я.

А еще если долго смотреть в зеркало и представлять рядом такого же прекрасного принца... Он обнимает красавицу, целует и нежно шепчет ей на ушко: «Люблю», а глаза его говорят: «Брошу мир к твоим ногам», – в такие моменты сердце сжимается, и мне становится очень грустно. Это же сказка, такие мечты. Только даже в сказочном мире ее не найти, я знаю. Когда-то я искала.

Красавица в зеркале грустно улыбается одновременно со мной.

Ну что ж. Я же говорила, что люблю одиночество. Это правда. Да.

Просто в такие моменты, после полуночи, глядя в зеркало, понимая, как легко я могла бы не быть одна, как легко

получала бы восхищенные взгляды и признания, как легко мне бы говорили комплименты и предлагали сорвать звезду с неба... В такие моменты мне хочется...

А, глупости все это!

Глава 2, в которой я знакомлюсь с принцем и глокая куздра... курдячит бокренка

– Ваше высочество, вам пора вставать. – Занавески балдахина с тихим шелестом отодвигаются, а мне кажется, что это по стеклу чем-то противно скрипят. Да уж, проводила вчера сестру на актерское поприще...

Обнимаю подушку и со стоном прижимаю ее к лицу. Не помогает. Подушку отнимают через пару секунд, когда я успеваю снова заснуть.

– Вам пора вставать, принцесса, – повторяет тот же бесстрастный голос. – Вы в школу опоздаете.

– Да и... эту школу! – бормочу я, переворачиваясь на живот и отчаянно зевая.

– Принцесса, – невозмутимо отвечают мне, – ваш отец расстроится, если вы опоздаете в первый же день.

– Папа привык, – бурчу я. – Отвали. – Потом на всякий случай вежливо добавляю: – Пожалуйста.

В ответ слышится тяжелый вздох.

– Принцесса, вас жених ждет.

– Где?! – вскидываюсь я и тут же утыкаюсь взглядом в светлогожего брюнета с глазами, про которые принято петь баллады. Ну, знаете, «и утонула я в них с концами...» Или как-то так. – Ты кто?

А в голове молнией проносится: «Жених!» Я рывком прижимаю к груди одеяло и в панике пытаюсь придумать приветственную речь. После вчерашнего получается плохо.

Брюнет позволяет себе еще один вздох. Выпрямляется. Серьезно смотрит на меня, и по глазам непонятно: то ли всего лишь осуждает, то ли желает, чтобы я и впрямь, хм, утонула, в смысле утопилась в его глазах. С концами.

– Габриэль, принцесса. Я ваш рыцарь.

– А-а-а, Га-а-а-би, – я зеваю и падаю обратно на подушки. – Ты как-то... м-м-м... изменился.

Рыцарь – впрочем, без доспехов и даже без забрала, что для сказочного мира непорядок, – изящно поднимает левую бровь.

– Если мне память не изменяет, – продолжаю я, – у тебя было, по крайней мере, четыре лапы и очень пушистый хвост. И... вообще, вчера ты был котом. Рыжим. В белую

полосочку. С кисточками на ушах. Нет?

– Я был мадрулктом, – не моргнув глазом, откликается рыцарь. – Я дух, ваше высочество. Если вы забыли. Я могу принимать какое угодно живое обличье. Но в столице Сиерны запрещено появляться духам в любом облике, кроме человеческого, – он встречается со мной взглядом. Я пытаюсь вспомнить: точно, мы в столице этой самой Сиерны, королевства принца – жениха Роз... – А сейчас, ваше высочество, если вы закончили с обсуждением моей внешности, может быть, вы вспомните, что вам пора в школу, а вы до сих пор не встали?

– Я принцесса и могу валяться в кровати хоть до полудня! – восклицаю я в ответ, элегантным движением ноги отшвыривая одеяло.

Габи ловит его и вздыхает еще тяжелее.

– Ваше высочество...

– Слушай, я же не Роз, почему ты так меня называешь?

Он складывает одеяло, очень аккуратно, как-то механически даже, и отвечает:

– Меня призвали служить принцессе Кремании. Вы сейчас занимаете ее место.

– И тебе абсолютно все равно, что я не Роз? – догадываюсь я.

– Да, госпожа. А теперь соблаговолите, пожалуйста, встать, вы уже на десять минут опоздали.

Ха! Я раскидываюсь на кровати в позе звезды.

ра) является охрана, а на деле – вытаскивание Роз из разных неприятностей вроде, хм, танцев на столе и злоупотребления розовой пылью в злых местах сказочного мира. Злых мест тут, кстати, много – одни эльфийские рощи чего стоят! – но о них как-нибудь в другой раз, а то я правда в школу опаздываю.

Камеристка тем временем отмирает и начинает суетливо помогать мне с утренним королевским ритуалом. В него входят ванна, маникюр с педикюром, маска и скраб, выбор платья, выбор обуви, выбор сумочки, выбор прически, выбор заколочек-тиары-диадемы, выбор духов... и-и-и... легкий завтрак. Очень легкий.

Ванну я принимаю с удовольствием: моей постоянно сохнущей «дневной» коже нужна вода, и часто. К тому же кто в здравом уме откажется поплавать в бассейне среди лепестков роз и айсбергов пены?

– В следующий раз пусть будут фиалки! – капризничаю я, подражая Роз. Камеристка не в курсе нашей с сестрицей подмены, и кто ее знает, может, она тайная шпионка короля? – Хочу фиалки! Видишь, от роз у меня зеленеет кожа.

Камеристка удивленно хлопает ресницами.

– Конечно, ваше высочество. Все непременно будет, как вы хотите, ваше высочество!

Не понимаю, зачем Роз решила сбежать от этого и стать актрисой?

С маникюром и педикюром случается конфуз, потому что

камеристка пытается подпилить мои перепонки между пальцами, я визжу, и в спальню вбегает Габриэль. Он смотрит на белую как простыня служанку, на зеленую сердитую меня, вздыхает и уходит. Кажется, я ему не очень нравлюсь. Может, даже совсем не нравлюсь.

Да какое мне дело?

Завтрак я решаю передвинуть в сестрином расписании и поставить сразу после маникюра. Все-таки мне нанесли травму, пусть и только душевную (потому как перепонки в порядке), и мне надо как-то ее пережить.

Так что я уплетаю рыбу за обе щеки, а шоколад скармливаю камеристке. Та не против. Прекратив извиняться, она восторженно рассказывает мне, какая я счастливица: выйду замуж за самого принца. Такая мечта, такая удача! Уточняю, что там за принц. То есть какой он, мой жених? «Он та-а-а-акой!» – восклицает камеристка и закатывает глаза. Ясно. Такой...

Немного обсуждаем и школу. Болтливая служанка щебечет, что и она, ах, и она тоже ходит в школу (правда, в другую, но, по словам камеристки, ее школа – лучшая). И ей там очень нравится! Там столько всего интересного! Столько полезных вещей рассказывают!

Прерываю поток восхищения вопросом, что за школа? Камеристка называет: оказывается, там готовят – внимание! – золушек. Как я понимаю, красивых и миленьких девочек из бедных семей учат ткать-прясть-убирать-прислужи-

вать, а потом за хорошее поведение и отличные оценки отпускают раз в сезон на бал. Есть ма-а-аленькая вероятность, что, когда такая принцесса-на-ночь будет убегать после двенадцати, принц (или граф, ну, или барон на худой конец) соблазнится ею, поднимет со ступенек ее туфельку и пойдет искать в школу золушек свою «любовь», чтобы жить потом с ней долго и счастливо. «Но большинство почему-то туфельку не поднимает, – грустно вздыхает эта горе-золушка. Потом, подумав, добавляет: – Или вот, в прошлом сезоне заграничный принц за Кайлой погнался, она уже обрадовалась, туфельку скинула, к карете бежит... А принц наклонился, туфельку взял, да как грохнет об пол! Кайла говорит, ее сердце тогда на тысячу осколков вместе с туфелькой и разбилось...»

Мораль: не влюбляйтесь в принца. Особенно с первого взгляда. Особенно за одну ночь. Я так моей камеристке и посоветовала, но она не вняла – глянула на меня с таким убеждением («будет и на нашей улице праздник!»), что я сразу замолчала. Не надо разрушать людям мечты. Что я, принц какой, чтобы хрустальные туфельки об пол грохать? Фигурально выражаясь.

С нарядом совсем нехорошо получается, потому как выбирать оказывается ровным счетом не из чего. Нет, у Роз громадный гардероб, он занимает не просто отдельную комнату, а целую галерею. Беда только в том, что я не вижу разницы во всех этих вычурных платьях, туфлях на высоких каблуках

и драгоценных побрякушках... Поэтому в ответ на вопрос: «Ваше высочество, что вы хотите сегодня надеть?» – тыкаю пальцем в первое попавшееся платье. Розовое, воздушное, с кружевами. Выгляжу я в нем... ну, как лягушка в пышном розовом платье. В довершение образа камеристка, фальшиво улыбаясь, убирает мои волосы в конский хвост и скрепляет их кружевным бантом, украшенным жемчугом. Мои черные, непослушные, короткие волосы – в хвост. И громадный бант венчает это уродство. Честное слово, когда я смотрюсь в зеркало и вижу в нем *это*... В общем, бедный принц. Даже Габриэль, когда заходит за мной, на мгновение теряет всю свою невозмутимость. А уж когда я надеваю туфли на таком каблуке, что впору обзывать их ходулями... Представьте лягушку в розовом платье, с розовым бантом да на розовых каблуках, на которых эта лягушка ковыляет, как будто ноги ей в гипс закатали... Без сомнения, титул «Невеста года» достанется мне, потому что все судьи просто умрут от смеха, когда меня увидят.

Господи, что я несу? Какой титул? Это все каблуки. Точно вам говорю, их высота как-то влияет на мозговую деятельность. Причем обратно пропорционально.

– Габи, скажи, что мне недолго на них ковылять!

Габриэль, презрев этикет, поддерживает меня под руку – иначе я просто не в состоянии идти.

– У крыльца нас ждет карета, ваше высочество.

Я облегченно выдыхаю. Но потом меня посещает страш-

ная мысль, и я уточняю: а эта самая крутая школа для золотой молодежи – она большая?

Габриэль невозмутимо перечисляет все, что он видел на плане школы: все корпуса, общежития (зачем принцам общежития?!), сады, пруды и бассейны... По его описанию, там не школа, а целый город размером с Москву. Так что идти от подъездной аллеи до учебного корпуса мне придется долго...

Всю дорогу в карете я строю планы, как оторвать каблуки и не остаться без туфель.

А вот всю дорогу от кареты до главного учебного корпуса я уже никакие планы не строю – потому что очень сложно строить планы на ходулях, с гипсом на ногах, да еще и, как оказывается, этот гипс натирает везде, где только может!

Возле какой-то рощицы, кажется, даже с фонтаном и павилинами, я не выдерживаю, хватаюсь рукой за березу, представляю вместо нее сестру и начинаю высказывать ей все, что я думаю про эту идиотскую выходку со школой. Нет, я согласна поиздеваться над принцем... Но пока что издеваются только надо мной! Причем издевается Роз. Заочно. Чем я ей так насолила?!

Габриэля хватает минут на пять. Потом он довольно робко (кажется, я произвела на него нужное впечатление) интересуется, чем он может мне помочь.

Я пинаю со злости ствол (чуть не сломав попутно ногу) и на выдохе восклицаю:

– Или ты меня сейчас понесешь, или я разубаюсь, раздеваюсь и иду знакомиться с новым коллективом в одной лягушачьей коже!

Габриэль, вернув всю свою невозмутимость, спокойно подхватывает меня на руки – как раз в тот момент, когда я тянусь к застёжке левой туфли.

– Принцесса не может выглядеть неподобающе.

Мне есть что сказать в ответ – и о принцессе, и о «подобающе», и о том, что меня бесцеремонно хватают и куда-то несут (ну и что, что я сама предложила – это же еще не значит, что можно сразу хватать!)

Но говорю только:

– Господи, за что?! – А потом какая-то деталь шлейфа порывом ветра затыкает мне рот, да так эффективно, что всю оставшуюся дорогу я занята только тем, что пытаюсь ее выплюнуть и попутно не свалиться с рук рыцаря.

Оглядываясь по сторонам, я конечно, не успеваю. И очень удивляюсь, когда вместо классной комнаты (как бы она ни выглядела в сказочном мире – я уже ко всему готова) меня сгружают в кресло перед громадным дубовым столом, очень напоминающим тот, что стоит у папы в кабинете.

– Принцесса... Розалинда? – с сомнением интересуется требовательный женский голос, мгновенно навевший неприятные воспоминания о моей школьной директрисе.

– Зовите меня просто: Виола, – машинально откликаюсь я и поднимаю взгляд.

С учетом сказочности... А впрочем, директрисы, наверное, во всех мирах одинаковые. Эта отличается только тем, что очки у нее не круглые, а вытянутые и вместо блузки ярко-алое платье в золотистую блестку. Но декольте такое же. И взгляд. Впрочем, нет, во взгляде сейчас изрядная доля удивления. Мадам смотрит на меня, на лист с портретом Роз на столе. Снова на меня. На портрет. Опять на меня. Плененная в лифе платья грудь при этом так колыхнется – ну прямо как у порноактрисы в фильмах «18+», которые папа у себя на диске С в папке «Совершенно секретно» прячет и думает, что простенький пароль кого-то остановит. А вообще-то я считала, что у тех актрис это монтаж да спецэффекты, и грудь должна подчиняться законам физики. А вот ведь...

– Виола? – наконец поднимает бровь директриса. И смотрит на меня с таким омерзением, как будто перед ней сидит не лягушка, а по меньшей мере тутовый шелкопряд в розовых кружавчиках.

– Да-да, – киваю я. – Жабенком меня папа зовет, а друзья – Виолой. Ну а так я, конечно, Розалинда.

Вообще-то друзей у меня нет, если не считать Роз. Она зовет меня Ви, но что-то мне говорит, если я предложу это мадам директрисе, она грохнется в обморок от изумления.

– Итак, Розалинда, – выдыхает директриса. И тут же, совсем не в образе тоненько вскрикивает: – Но когда вас успели проклясть?!

Я ловлю взгляд Габриэля, стоящего у книжного шкафа с

таким невозмутимым видом «я – мебель», что настоящему шкафу должно быть стыдно. И понимаю, что если что-нибудь не придумаю, а скажу правду или заставлю директрису (она же маг, да?) залезть мне в голову, то, хм в, шкаф закачают меня.

– Понимаете, папа, в смысле, мой отец-король, – начинаю я, – меня очень любит. И так как проверку драконом или турниром мой суженый уже не пройдет, папа... в смысле, его величество... Но он же боится отдавать меня абы кому...

– Абы кому?! – еще тоныше восклицает директриса.

Я бросаю взгляд на Габриэля и сглатываю.

– Ну... в смысле, мой отец хочет убедиться, что принц в меня влюбится... Чистосердечно. В смысле искренно. А вы же знаете, такие проклятия снимет только поцелуй настоящей любви!

В наступившей после этого тишине кот мадам директрисы, здоровенный черный манул, тяжело приземляется на стол с полки шкафа, ложится в позу сфинкса и, глядя на меня, высовывает язык. Розовый, яркий, очень выразительной на черной бархатной морде.

Я моргаю, но кот так и лежит с высунутым языком – и чтобы не засмеяться, я перевожу взгляд на директрису. Та вздыхает:

– На что только не пойдут современные девушки, чтобы заполучить любовь принца!

– Да! – вставляю я, и кот на столе начинает тарыхтеть. То

ли мурлычет, то ли смеется.

Директриса не обращает на него внимания.

– Хорошо, Розалинда, – тяжело вздыхает она, снова просматривая лист с моим «делом». – Как я понимаю, раньше вы никогда учебные заведения не посещали?

– Только в качестве наглядного пособия, – киваю я и снова ловлю недоуменный взгляд мадам. Даже кот затыкается. – Мм, простите. Нет. Не посещала. Никогда. Вообще.

Ну, есть такая хохма у нашей учительницы биологии. Лягушек в школу нынче не поставляют, резать некого, а она скучает по славному советскому прошлому. Так и не нашла ничего лучше, как вызвать к доске меня, когда мы раздел с земноводными проходили. Сказала, никто не заметит разницы. Хорошо хоть не резала.

Я ей потом комаров в кофе накидала. И крышкой стакан закрыла. Думала, она тоже не заметит разницы – а она почему-то заметила. Кричала громко, жаловалась. А комары ведь хорошие были, аппетитные – для родной учительницы мне ничего не жалко.

– То есть не посещали? – с нажимом повторяет директриса.

Я киваю. Кот убирает язык и принимается гипнотизировать меня большими, как блюдца, желтыми глазами.

Директриса тоже кивает. И протягивает мне стопку листов.

– Поэтому, чтобы убедиться, что учебная программа вам

по силам, вы сейчас при мне решите этот легонький тест, и после этого я отведу вас в класс, – она ставит передо мной песочные часы. – Прошу.

С легким недоумением я гляжу на перо, которым полагается писать. Потом с легким недоумением за мной наблюдает уже мадам – как я пытаюсь это перо взять. Кот, то ли помогая, то ли играя, включается в забаву и мягко трогает перо лапкой.

Потом я обращаю внимание на то, что написано на первом листе, и мне становится нехорошо.

– Вы умеете читать? – напряженно интересуется директриса.

– Иероглифы? – уточняю я, глядя на лист. – Не-а.

«Господи, с какими идиотами приходится иметь дело!» – написано в глазах директрисы, когда она ловит мой взгляд.

– А теперь?

Я смотрю на лист, моргаю и быстро киваю. Иероглифы волшебным образом превратились в кириллицу. А песок тем временем пересыпался уже наполовину. И Габриэль смотрит на меня теперь с намеком. М-да... Роз, конечно, просила вылететь из школы, но после встречи с женихом, а не до – так что надо поторопиться... Что там у нас?

Первый вопрос. Продолжите высказывание, выбрав из трех возможных ответов один (1).

*Гло́кая ку́здра итёко будлану́ла бо́кра и курдя́чит...*⁴

---

⁴ Пример, предложенный академиком Л. В. Щербой на вводных курсах «Основ

А) бокренка.

Б) вороненка.

В) котенка.

Я решаю, что так издеваться над бедным вороненком, а тем более над котенком просто жестоко, поэтому выбираю ответ «А». Бокренка я хотя бы никогда не видела.

Как после оказывается, правильно. Там весь тест такой, и когда директриса его проверяет, то смотрит на меня уже с куда большим уважением. И с удивлением тоже.

– Отлично, – с сомнением говорит она. И добавляет, после третьей по счету проверки: – Сто баллов... У вас были прекрасные учителя.

Я на всякий случай киваю. Учителя у меня и впрямь прекрасные, одна биологичка чего стоит. Я тогда хорошо усвоила внутреннее строение лягушки. Со всеми подробностями.

– Ну что ж, ты принята, – с достоинством изрекает директриса, откладывая мой тест (и резко переходя на ты).

– А что, раньше я была не?... – я натыкаюсь на ее взгляд и пристыженно замолкаю. Да ну к черту, а то вдруг у нее еще один тест завалился. Такой же... на сообразительность.

– И раз ты принята, – с нажимом повторяет директриса, – тебе необходимо ознакомиться с правилами нашей школы. Основные и главные озвучу я, остальные посмотришь в биб-

---

языкознания»; показывает, что узнать существительное или глагол можно, даже не зная значение слова. Да, и в сказочном королевстве интересуются грамматикой.

лиотеке...

– А это у вас столько правил придумано, или просто вы не все помните? – да, когда я волнуюсь, то начинаю хамить. Ну и что?

– Правило первое, – опуская меня взглядом ниже плинтуса, озвучивает директриса. – Молчать, когда с тобой разговаривают!

– Но это же очень скучно...

– Молчать! – взвизгивает директриса, и кот на столе подпрыгивает. А потом укоризненно смотрит на меня. Мне становится стыдно, и я молчу. – Правило второе: никакой магии вне учебного процесса. Никакой. Магии. Это понятно?

Я киваю. Мне хочется сказать, что колдовать даже во время учебного процесса мне будет очень затруднительно, но кот так смотрит, что я продолжаю молчать.

– Далее: никаких прогулок на территории школы после полуночи.

Да пожалуйста! После полуночи я слишком красива, чтобы позволять их школе меня лицеизреть.

– Никаких опозданий.

– А...

– Никаких. Опозданий.

Киваю. Кот меня гипнотизирует. Никаких опозданий, никаких опозданий, никаких опозданий...

– И никакого флирта.

Я снова кидаю взгляд на ее декольте. Интересно, она сама

это требование выполняет?

– Твоя мать – фея, – продолжает директриса, – и я не хочу здесь никаких...

– А что вы против моей мамы имеете?! – выпаливаю я. – Вы что, фей не любите? Тут что, расизм?!

Директриса холодно ждет, когда я успокоюсь, потом заводит речь про какой-то карцер, где я буду проводить много времени и где мне точно не понравится.

– Тогда я не буду проводить там много времени, – категорично заявляю я, и директриса улыбается:

– Придется, милочка. Придется. Ты провела бы там сегодня час за одно только опоздание, но в честь того, что это твой первый учебный день, я закрою глаза. Но только сегодня. А теперь идем, тебе пора на урок.

Кажется, я начинаю понимать Роз. Я тоже не хочу тут учиться, даже месяц или, не дай бог, полтора. А уж три года!

В класс мы идем быстро, и все мои силы уходят только на то, чтобы собственно идти. По сторонам удается посмотреть лишь изредка, и то я замечаю лишь удивленные взгляды горничных и лакеев. Стражников или нет, или они успешно притворяются мебелью. Странно, во дворце Роз стражи много, все напоказ...

Габриэль идет за нами с самым невозмутимым видом и пару раз успевает меня подхватить, когда я спотыкаюсь.

А потом мы все-таки приходим, и я даже не успеваю спросить директрису, куда мне рыцаря девать или это совсем да-

же не моя проблема?

Класс оказывается вполне себе обычным классом, с партами-одиночками, разве что они даже на вид удобнее тех, что у меня в школе, и кресла к ним прилагаются мягкие. Впрочем, все это я отмечаю чисто машинально, потому что когда на тебя смотрят около двадцати пар глаз, включая учительницу, становится очень неловко. Настолько, что я чувствую, что сейчас буду страстно хамить и вылечу сразу, а не через месяц, как мы с Роз договорились. В итоге все силы уходят на то, чтобы выглядеть невозмутимо и не краснеть. Я копирую выражение лица Габриэля, а краснеть – ну, я уже зеленая.

Меня тем временем представляют: директриса что-то говорит, параллельно изумление во взглядах класса и учительницы растет. Я делаю шаг назад, к двери, но натываюсь спиной на Габриэля. Даже если решу сейчас все бросить (и пусть Роз сама отдувается – вот же удружила сестренка!), понимаю: ее рыцарь меня в момент догонит. А значит, выхода нет, и... Ну где, где там мой жених?

Принца я нахожу взглядом сразу. Это несложно, особенно если принц предназначается Роз. Он ведь просто обязан быть статным, красивым и всем из себя совершенным. В классе такой один, и от него этим совершенством прямо-таки веет. Он буквально светится, и одним из его лучей пронзает меня в самое сердце, как купидоновой стрелой. Я злюсь: такой красивый парень – и его придется отшить! Даже нет, не из-за красоты его злюсь, просто он... Я бы в такого влю-

билась. Вот вижу его сейчас и понимаю: влюбилась бы. И если бы он меня жабенком назвал, я бы растаяла. Все-таки несправедливо – ну зачем он такой... А? Такой... И смотрит без обычного: «А это твое зеленое точно не заразно?» Нормально смотрит, удивленно, и я ну вот чувствую в нем родственную душу! Чего, конечно, не может быть, потому что он красавец и принц.

Потом я замечаю странную вещь: принц сидит на «галерке», в последнем ряду. И вокруг него – пустое пространство. Или все здесь не выдерживают его совершенства... Или он отверженный. Что, согласитесь, странно, если он принц.

Мои мысли тем временем прерывает голос директрисы, которая царственным жестом указывает на класс и объявляет, что я могу сесть поближе к жениху, чтобы мы поскорее познакомились. «Но не болтать!» Как будто мы дети малые...

Я совершенно искренне улыбаюсь. И, забыв про чертовы каблуки, спешу к жениху, благо вокруг него пустых мест много. Прости, Роз, я потом его отошью. Сначала познакомлюсь.

По классу проносится слаженный изумленный вздох. А потом смех. Я останавливаюсь, мой принц краснеет, утыкается взглядом в пол и сжимает кулаки (намекая, что совершенство совершенством, но ничто человеческое ему не чуждо). М-м-м, он даже злится мило!

– Принцесса Розалинда, – окликает меня тем временем

директриса. – Принц Ромион...

«Ромчик», – тут же переделываю я. Имя победителя. Нет, Роз, ты уж извини, но я за него, может, даже замуж выйду. Все равно я иномирянка, и это не считается.

– Принц Ромион, – повторяет директриса.

Отодвигается кресло – в противоположной части класса.

Я оборачиваюсь – и меня начинает разбирать совершенно идиотский смех. Причем смеюсь я куда громче, чем весь класс, – но да, они-то рты ладонями закрывают. А я смотрю на *настоящего* Розалиндиного суженого... И, в общем, когда дар речи ко мне возвращается, я говорю только:

– Тебя что, тоже прокляли?

В классе наступает тишина. Абсолютная. Даже директриса не шевелится. Только тот, кого я до этого приняла за принца, осторожно поднимает голову от книги, смотрит на настоящего принца в первом ряду и странно улыбается. Кажется, эти двое друг друга не любят. Мягко говоря.

А настоящий принц... Да нет, не прокляли его, конечно. Просто по сравнению с совершенством в конце класса он смотрится бледно. Но теперь я замечаю, как глядят на него и учительница, и директриса. И мест рядом с ним пустых нет, все заняты девицами вроде Роз, разве что побледнее – крови феи им не досталось, но они заменили ее косметикой. Мда, что я в самом деле, нормальный же парень. Просто... Но не видела я раньше худеньких низкорослых принцев! Интересно, он на скрипке не играет? Так и вижу его во фраке на

сцене. А вот в битве с драконом не вижу. Или на троне. Да он на троне в подушках утонет! Его же не заметят!

Зато взгляд, каким он смотрит на меня, – тот самый. «Зелень уродливая». И я по привычке широко улыбаюсь в ответ, одариваю его таким же взглядом и подмигиваю:

– Ничего, говорят, поцелуем любви это лечится.

Принц не удогадывает меня и словом. Он обращается к директрисе – голос у него приятный. Может, плюс к скрипке еще и поет?

– Я могу сесть?

– Конечно, Ромион, – улыбается директриса. Потом поворачивается ко мне, и выражение вселенской боли появляется у нее на лице. – Ты тоже... сядь. Куда-нибудь. Розалинда.

Я оглядываюсь на Габриэля – тот снова занял пост рядом со шкафом. Ну что ж...

Девушки вокруг принца Ромиона дружно смотрят на меня так, что ясно – они костями лягут, но место ни одна из них не уступит. Да больно надо!

Иду к последнему ряду, к парте у окна. Да, солнце будет печь, и к концу дня я стану жареной лягушкой. Но в тени сидит господин Совершенство, которого я сдуру перепутала с женихом, и он теперь точно ничего хорошего обо мне не думает. Вон, даже и не смотрит.

Зато все остальные смотрят. Да ну их к черту! Я знала, что меня тут хорошо не встретят. Все как везде. Пусть – я им еще устрою.

В довершение, уже в полной тишине – директриса успевает выйти и закрыть за собой дверь, а учительница тоже смотрит – у меня подламывается один каблук, и я падаю у самой парты.

Класс взрывается смехом, уже не сдерживаемым. И учительница, естественно, не делает ничего, чтобы это безобразие прекратить.

Стискивая зубы, я поднимаюсь. И языком (в такие моменты (а еще когда комары) он у меня волшебным образом удлиняется) вытаскиваю из рук одного из смеющихся перо. Тоже улыбаюсь.

– Спасибо. А то я свое дома забыла.

И сажусь. Хочется сломать несчастное перо на маленькие-маленькие кусочки. Хочется сесть перед этим Ромионом и улыбаться ему до посинения. Хочется сказать какую-нибудь гадость учительнице, которая как ни в чем не бывало поворачивается к доске-зеркалу.

Но я просто достаю из сумки, которую ставит передо мной Габриэль, книги и письменные принадлежности.

Ничего. Я вам всем еще устрою глокую куздру!

Глава 3, в которой я узнаю о сестре много нового

Припекает.

В который раз пытаюсь отсесть подальше от окна – вместе с креслом и столом, но дальше просто некуда – проход закончился, сбоку свободная парта. А дальше, через узкий проход (уже того, по которому я вот уже полчаса перемещаюсь), сидит то самое Совершенство, на которого я стараюсь не смотреть. Всеми силами я очень-очень стараюсь. Не. Смотреть!

Собрав волю в кулак, отворачиваюсь и пробую слушать учительницу. Она что-то рассказывает, шагая туда-сюда, а за ней мигает, меня отражения-картинки, громадное, на всю стену зеркало в золоченой раме. Парты здесь довольно далеко друг от друга, а я сижу в самом конце класса, так что изображение в зеркале мне видно еле-еле. Да и учительни-

ду через все эти спины никак не рассмотреть – впрочем, я не слишком и стараюсь. Мне скучно, жарко и плохо. Я даже не могу сказать, какой предмет тут изучается. Вроде бы что-то про политику. Какие-то внешние и внутренние факторы. Причины. Следствия. Бред какой-то, я хочу отсюда уйти!

Поворачиваюсь к Габриэлю. Он замер, скрестив руки, у книжного шкафа – конечно же. Отворачиваюсь – бесполезно, этот мне не поможет. И снова взглядом задеваю Совершенство, который через парту и проход. Виола, у тебя совесть есть? А достоинство? Отвернись сейчас же!

И ведь ничего такого безумно необычного в нем нет: просто очень красивый мальчик. Юноша. Парень. Если верить Роз, в этом классе должны быть только мои сверстники. Ну, может, на год старше. Значит, ему или шестнадцать, как мне, или семнадцать. Хм. Когда налево голову повернет и на него солнечный луч падает, выглядит на шестнадцать. А когда, прищурившись, на учительницу с ее зеркалом смотрит, то на семнадцать. Может, даже восемнадцать. Ну очень серьезный парень... Я его внешность за эти полчаса уже до последней веснушки изучила. Они у него светлые такие, на скулах, очень милые. Маленькие – вот что значит «солнечные поцелуи». А еще у него нос очень правильный. Прямо благородный профиль получается... Он точно не принц? Наверное, какой-нибудь герцог или граф? Ну конечно, кто еще будет учиться в этой школе... Ой, он перо кусает!.. Боже, я даже не знала, что так бывает: замираешь, и взгляда не отвести, и

дрожь в коленках какая-то... странная... Папа всегда говорил: встретишь того, кто тебе до бабочек в животе понравится, тогда пожалеешь, что никогда нормально не целовалась. Я... я уже целую... в смысле жалею. Можно, я поцелую его прямо сейчас? Я согласна жить с ним долго и счастливо!

Господи, он оборачивается... Он смотрит на меня? Он в ответ на меня смотрит?

А я – жаба...

Утыкаюсь взглядом в какой-то из учебников на столе, а перед глазами все плывет. Может, у меня тепловой удар?

Ха, удар? Поцелуи? Я же зелень уродливая, на меня такой, как он, в жизни без отвращения не посмотрит. Что, Виола, не веришь? Брось-ка на него еще один взгляд. Ну? Убедилась? Да его тошнит от тебя – как и всех вокруг. Вот, даже кресло подвинул – подальше от тебя. А ведь между вами и так целая парта и проход. А ты размечталась – поцелуй, при-и-инц. Губу раскатала. Такие красавцы встречаются с девушками вроде Роз, такими же совершенными и... настоящими принцессами. А потом живут с ними долго и счастливо. А в заколдованных непринцесс они не влюбляются. Ты все это уже проходила. Хочешь на нем лишний раз обжечься? Все ведь уже было – с таким же милым с виду и совершенным. Ну, почти с таким – тот все-таки был не так совершенен... Но все равно. Красота равна тщеславию, а тщеславные люди легко делают больно маленьким бедным лягушечкам вроде тебя, Виола. Так что не будь дурой, отвлекись уже оконча-

тельно и сосредоточься...

Очередным волевым усилием я все-таки отворачиваюсь – и встречаюсь глазами, кажется, со всем классом сказочной золотой молодежи. Включая учительницу. И все они очень выжидательно на меня смотрят.

– Что? – квакаю я, от волнения зеленея, наверное, сильнее обычного.

Кто-то немедленно начинает хихикать. Учительница изящно взмахивает рукой с чем-то вроде волшебной палочки – набалдашник в виде звезды мерцает синим.

– Розалинда, может быть, вы все-таки почтите нас своим рассказом о Сьерно-Креманском конфликте?

О чем, о чем?

Я ерзаю в кресле, потому что весь класс с прямо-таки садистским удовольствием меня рассматривает. Надо же было им меня подловить в минуту душевных метаний! Какой там конфликт? Вот у меня в душе – это конфликт! Но я о нем никому не расскажу.

– Нет. Не почту.

– Простите?

– Не. Почту! – повышаю голос я и стискиваю зубы.

В классе наступает мрачная тишина. Улыбка учительницы гаснет, но потом загорается снова, только уже насквозь фальшивая. И с издевательской ноткой.

– Жаль. Что ж, Розалинда, принимая во внимание, что вы еще не до конца освоились и не знаете, что на заданный вам

на уроке вопрос полагается отвечать...

– Слушайте, отстаньте от меня, а?! Ставьте двойку, если вам так хочется. Не буду я ничего рассказывать, – совершенно невежливо перебиваю я. Больше всего мне не нравится, что весь класс с удовольствием наблюдает это бесплатное представление. Уже чувствую себя препарированной лягушкой.

– Что, простите, ставить? – в полной тишине спокойно интересуется учительница.

Кажется, я уже знаю, в чей кофе подброшу комаров в этой школе...

– Двойку. Кол. Что у вас тут ставят, когда урок не выучил? – из последних сил сохраняя самообладание, отзываюсь я. Сколько у них тут урок длится? Когда звонок?!

– Урок я вам, Розалинда, еще не задавала, – холодно замечает учительница. – Идите к зеркалу.

Я недоуменно хмурюсь, но потом понимаю, что она имеет в виду то громадное зеркало, на котором, как на экране, сейчас показывается карта. Ясно. «Идите к доске».

– Мадам Мелинда, она же не дойдет, – раздается голос кого-то из девочек в первых рядах.

– Если только допрыгает!

– Или скажите ее духу, пусть понесет. Она же так сюда прибыла.

– Или...

– Тишина! – прерывает учительница. И смотрит на меня. –

Розалинда, прошу вас.

Да идите вы все... к чертовой бабушке!

Я улыбаюсь. Напоказ. Эффектно, полагаю, потому что ближайшие ко мне парни тут же морщатся – все как один. Что ж, отлично. Этап первый пройден. Этап второй – я выбрасываю ноги в проход, нагибаюсь, не заботясь о том, что платье скособоилось и подол неприлично задрался. В полной тишине треск сломанного каблука слышится, как звонок с урока, которого все нет и нет. Причем каблук до конца не отрывается – я минуту дергаю его туда-сюда, но он держится, гад! Вспомнив, наверное, все нецензурные выражения (а половину из них прошептав), срываю туфли к чертовой матери и с удовольствием швыряю их в окно. Тихий плеск – внизу, наверное, фонтан или пруд. И снова тишина.

Все, я готова. Не переставая улыбаться, иду к зеркалу, стараясь не обращать внимания на устремленные на меня любопытные, издевательские взгляды.

Мадам Мелинда – высокая красивая женщина неопределенного возраста (папа про таких говорит, что после тридцати у них возраст заканчивается) – цепко на меня смотрит и холодно улыбается. У нее высокие скулы и тонкие алые губы, поэтому улыбка получается хищной. И зеленые глаза при этом так сверкают, что мне становится совсем не по себе. По-моему, эта мадам куда сильнее напоминает злую ведьму, чем даже та настоящая ведьма, которая меня прокляла.

– Отлично, Розалинда, – мадам кивает на карту в зеркале

и передает мне «волшебную палочку». – Покажите нам Креманию.

Я беру палочку – и набалдашник на ней гаснет. Одновременно же гаснет зеркало.

Как дура, я в полной тишине стою с палочкой в руках, косясь на учительницу. В классе раздается несмелый смешок, впрочем, быстро утихший. Мадам Мелинда поднимает брови.

– Полагаю, проклятье мешает вам колдовать, Розалинда? Или, – помедлив, интересуется она, – это у вас с рождения?

Я стискиваю в руках палочку и начинаю страдать от сильного желания огреть ею вышеупомянутую мадам.

– Простите, – мой голос звучит тихо, но достаточно твердо, чтобы заполнить тишину класса, – вы думаете, что я родилась лягушкой? А раз моя мама фея, то лягушкой, в которую я пошла, полагаю, вы считаете моего папу?

Тишина в классе теперь такая, что если бы здесь пролетел комар, мы бы все без труда его слышали.

Мадам Мелинда моргает и протягивает руку, чтобы забрать у меня палочку.

– Я ничего не считаю, Розалинда. Просто мне сложно понять, зачем кому-то проклинать такую принцессу, как вы.

Теория «папа решил жениха испытать» тут вряд ли прокатит да и звучать будет нелепо, поэтому я, отдавая палочку, бросаю:

– А мне сложно понять, почему моя внешность вас на-

столько сильно занимает.

Мадам Мелинда с интересом глядит на меня – тоже в полной тишине – и наконец изящно делает пасс палочкой. Зеркало снова загорается.

– Покажите Креманию, Розалинда.

Я смотрю на россыпь цветных «лоскутов» на карте, пожимаю плечами и наугад тыкаю в фиолетовый. На фоне светящегося зеркала мои перепонки теперь не заметить просто невозможно.

По классу прокатывается слаженный смех.

– Это не Кремания, Розалинда, – улыбаясь, говорит мадам Мелинда.

Я снова пожимаю плечами и с самым невозмутимым видом тычу теперь в зеленый. Тут этих «лоскутков» больше десятка – мы долго так будем Креманию искать?..

– И это не Кремания. Розалинда, вы не знаете, где находится ваше же королевство?

Сомневаюсь, что даже настоящая Розалинда знает, где оно находится. Но не она сейчас мнется у зеркала.

Я напряженно смотрю на карту. Увы, «лоскуты» не подписаны.

Мадам Мелинда улыбается.

– Попробуйте еще раз, Розалинда. Третий раз обычно счастливый.

Я ненавижу ее. Я ненавижу весь этот класс, эту школу, Розалинду, за которую отдуваюсь. Но больше всего я нена-

вижу чувствовать себя душой. Уродиной – я привыкла, и с этим ничего не поделаешь. Но вот уже пять лет в моей собственной школе я не мялась у доски, не зная, как ответить на вопрос.

Вдыхаю поглубже, поднимая руку, понимая, что еще пять минут, и класс, включая учительницу, попадает под парты от смеха, потому что лягушка-принцесса не в состоянии показать на карте даже собственную страну...

Отодвигается кресло, и уже знакомый звучный голос у меня за спиной произносит:

– Мадам Мелинда, позвольте мне озвучить причины Сиерно-Креманского конфликта? Меня это, так же, как и принцессу Розалинду, напрямую касается.

Я сцепляю трясущиеся руки за спиной и торопливо отшагиваю-отпрыгиваю от зеркала. Мое место занимает принц Ромион с «волшебной палочкой» в руках. Теперь она не гаснет, а разгорается ярче.

– Кремания, – уверенно говорит принц, показывая в самый центр «лоскутного одеяла», на розовый (ну кто бы сомневался) кусок, – заключила договор с Эльфляндией, – тот самый зеленый лоскуток, который я недавно выбрала, – против Подземной империи, – коричневый лоскут, – потому что правитель гоблинов попросил руки принцессы Розалинды, но получил твердый отказ.

Я стою у двери и хлопаю ресницами, как блондинка, точнее, очень глупая лягушка. Вот Роз, змея, могла хотя бы

предысторию рассказать!

Хм, а не тот ли это гоблин, в которого мы на спор горшки с геранью кидали? С балкона, пока он серенады пел?..

– Тогда его величество Майяр Третий украл принцессу Розалинду, – Ромион поворачивается к ошеломленной мне, – в седьмой день весеннего фестиваля. И прислал королю Кремании официальный ультиматум «Будущему тестю», в котором недвусмысленно намекнул, что если король не даст свое благословение, принцессу обвенчают против воли ее отца. Или же отправят в гарем императора старшей наложницей.

«Ви, я хочу стать актрисой...» Актрисой? Да она уже... Большой театр по ней плачет!

– Это послужило официальным поводом для конфликта, – заключает принц. – Причинами же были, конечно, розовая пыльца, нелегально поставляемая Креманией из Зачарованных Садов, а также поднятие гоблинами пошлины на ввозимые товары, что король Кремании назвал грабежом, а самого императора гоблинов – подземным пиратом.

Ну-ну, зная отца Роз, он выразился покрепче. Но масштаб трагедии мне уже понятен. Папочку тебе, Роз, расстраивать не хотелось, да? Договор нельзя расторгать?

Я смотрю на принца Ромиона и сквозь гнев на сестру пополам с замешательством и жалостью – догадываюсь, чем эта история закончилась, – не могу не обратить внимания, что хоть ростом он с меня (а в лягушачьей коже я низенькая)

и к тому же худенький, как тростинка (половина меня, а то и четверть), да еще и черты лица у него слишком мягкие и мелкие для юноши (честно, больше двенадцати лет я бы ему не дала). Но как-то при всем этом ему удается не выглядеть ребенком-пусечкой, вышедшим к доске отвечать урок, ах, ты моя радость, ми-ми-ми. Он держит себя и говорит так, что, во-первых, невольно слушаешь, а во-вторых, проникаешься уважением. Даже я проникаюсь, хотя я сторона субъективная, заинтересованная. Уверенный в себе мальчик – сразу видно. И пальцы у него тонкие и длинные, наверняка на чем-нибудь действительно играет, кроме моих нервов...

Но и да, на меня смотрит с плохо скрываемым презрением. Таким, что понятно: в глаза уродиной и жабой не назовет. Но подумает.

...Конец истории Сиерно-Креманского конфликта действительно оказывается предсказуемым. Отец Роз засуетил-ся, стал готовиться к войне и искать союзников. Эльфы его кинули, гномы «отмазались» подачкой в виде пары сундуков с оружием. Согласилась Сиерна, которая тоже имела на гоблинов зуб, а еще хотела под шумок отчекрыжить кусок у Кремании. Кремания хотела, естественно, того же – но у Сиерны. В итоге, подписав мирный договор с гоблинами, эти двое набросились друг на друга, но ситуация получилась патовая (причем еще бы чуть-чуть – и не в пользу Кремании), и отец Роз предложил сделку с брачным контрактом.

Во всей этой истории меня действительно удивила только

пара вещей. Первое – как подчеркнуто вежливо Ромион говорил о королеве-правительнице Сиерны. Я ведь правильно понимаю, раз он принц, то королева – его мать? Но то ли так принято, то ли я все-таки ничего не понимаю, но когда Ромион говорил «ее величество королева Изабелла», звучало это слишком официально и не к месту на обычном уроке.

И второе. Гоблины в этом мире имеют репутацию примерно такую же, как сатиры в моем мире. Уродливые, но похотливые. О них даже феи говорят с улыбками, и в этих улыбках – толстый намек. Так что Розалинда, побывав «в гостях» гоблинского императора вряд ли ушла от него невинной и непорочной. Мне-то все равно, но после рассказа Ромиона... Да и до этого, впрочем, тоже... В обществе «честных правил» репутация Розалинды наверняка упала ниже плинтуса. Роз, конечно, посчитала этот незначительный факт не стоящим моего внимания. Зато понятно, что меня тут видят как уродину, дуру и шлюху в одном лице. Вот я влипла!..

Ромион тем временем заканчивает, отдает палочку мадам Мелинде. Учительница благосклонно кивает, осматривает класс.

– Вопросы? Нет? Прекрасно, Ромион, садитесь. Как всегда, отлично...

– А можно мне вопрос? – поднимаю руку я.

Все взгляды снова устремляются на меня, а Ромион замирает у своего кресла. Потом поворачивается и тоже смотрит – так, что нормальная лягушка давно бы упрыгала в свое бо-

лото и не смела бы даже квакнуть.

Я сжимаю руки за спиной в кулаки.

– Зачем это тебе? Я понимаю, что не могу отказаться: эта, как... его... гоблинская империя нас растерзает, а наши соседи и не почешутся. Но зачем этот брак Сиерне?

Ромион дергает уголок рта – раздраженно, хотя жест вообще-то нервный.

– Как я уже объяснял, Кремания пообещала уступки...

– Что мой отец пообещал, я поняла, – перебиваю я. – Тебе это зачем? Скажи королеве, что не хочешь жениться на лягушке легкого поведения. Неужели она не найдет тебе другую невесту, посимпатичнее и тоже с хорошим договором под мышкой? – я киваю на девиц в первых рядах. – Так зачем это тебе?

В мертвой тишине мы с Ромионом смотрим друг на друга, и взгляд принца на этот раз какой-то... странный. Кажется, я чего-то еще не знаю. Потому что если до этого он на меня смотрел просто как на дуру-лягушку, то теперь – как если бы эта дура-лягушка попыталась сожрать его вместо комара.

Но проходит пара мгновений, и принц снова возвращается в свою скорлупу уверенного-умного-взрослого мальчика.

– Вам, ваше высочество. Зачем это нужно *вам*.

– Мне? Как ты хорошо объяснил...

– Вы, – спокойно поправляет принц. – *Вы* объяснили.

Я сжимаю руки за спиной так, что ногти больно впиваются в кожу. Вы? Правила вежливости здесь насчет «вы» и «ты»

такие же, как в моем мире, насколько я знаю. И этот малютка-принц только что очень изящно провел черту между ним и мной. И, судя по всему, между мной и всем классом.

– А может, мне еще на колени каждый раз перед тобой падать? Или ниц сойдет? – выплевываю я. И тоже смотрю на него, как на комара. Невкусного, худого комара. Я тоже умею опускаться взглядом ниже плинтуса.

Но тут за окном оглушительно звенит колокол. И сразу после него мадам Мелинда как ни в чем не бывало говорит:

– Конец урока. Домашнее задание вы получили – все свободны. Хорошего вам дня. Розалинда, задержитесь, пожалуйста, на минутку.

– Я хотела бы извиниться, – говорит она мне, когда все уходят. – Я никак не думала, что на этот вопрос вы не сможете ответить. Он ведь, – она запинается, – напрямую вас касается.

Я смотрю в окно. Там действительно большой, идеально круглый пруд с маленьким фонтанчиком посередине: лягушка в короне, подняв голову, изрыгает струи воды. Лягушка очень похожа на меня.

– Мне бы не хотелось, – продолжает мадам Мелинда, – чтобы вы начинали ваше знакомство с классом с такого неприятного эпизода. И раз это моя вина...

– Да ладно вам, – снова невежливо перебиваю я, не глядя на нее. – Как будто это что-то значит. Как будто есть хоть малюсенький шанс, что они меня полюбят.

– Простите, Розалинда, я вас не понимаю. То, как к вам относятся другие, в ваших руках...

– В моих руках? – я все-таки поворачиваюсь к ней. – Вы хотели сказать, лапах? Перепончатых, – я поднимаю руки. – Таких, как я, не любят никогда. Что бы я ни делала.

Какое-то время мадам Мелинда молча смотрит на меня. Потом качает головой.

– Вы не правы, Розалинда. И мне бы хотелось вам помочь.

– О, вы найдете влюбленного в меня принца? – сладенько спрашиваю я. И уже нормальным голосом: – Не нужно. Его не существует. Мадам Мелинда, я могу идти?

Она качает головой, потом достает из воздуха небольшой свиток.

– Возьмите это в библиотеке. У вас были удивительно нерадивые наставники, что грустно, потому что мне кажется, вы можете больше, чем мяться у доски с глупым видом, отвечая на простой вопрос.

Я молча беру свиток и, не прощаясь, иду прочь из класса. Я устала, а еще только полдень...

Габриэль, про которого я уже успела забыть, идет позади – тоже молча. Шлепая босыми ногами по коридору, я бросаю через плечо:

– Отведи меня домой.

– Принцесса, у вас еще один урок.

– Плевать. Я хочу домой.

Мы выходим из коридора во двор, под солнце, и я мор-

щусь – кожу моментально обжигает, и тонкое розовое платье не спасает совсем. Стиснув зубы, я направляюсь к пруду, попутно отшвыривая свиток. Кажется, Габриэль его ловит. Не уверена.

Под любопытными взглядами одноклассников – цветные платья, сверкающие драгоценности и издевательские лица – я шлепаю к мраморному бортику, без труда его перепрыгиваю и, не заботясь о платье, плюхаюсь в воду. Неожиданно с головой – пруд оказывается глубоким. А еще в нем плавают пятнистые рыбки (и мои сломанные туфли).

Делаю пару кругов под водой – настроение немного поднимается. Надо срочно придумать, как показать им всем, что может лягушка... И что я не дура. Серьезно, Роз хотела, чтобы я отсюда вылетела с треском. Но вот я не хочу, чтобы меня запомнили как идиотку. Особенно если все остальные действительно знают больше меня. Нет, это надо исправить...

Выныриваю – платье облепляет грудь. Ну и ладно, днем у меня там все равно мало что есть. Вытираю лицо, отжимаю волосы. И слышу ленивое:

– А я думал, она в воде в настоящую лягушку превращается.

Оборачиваюсь: святая троица (такие, наверное, есть всегда в каждом классе) парней сидит на бортике, глядя на меня с веселым, презрительным любопытством. Один, конечно, главный, два на подхвате. Это ясно видно, те двое ведут

себя почти как Габриэль (кстати, где он?): сидят по бокам главного с невозмутимым видом и выглядят помощнее, чем парень посредине – темнокожий брюнет с таким лицом, что на нем явно читается: «Хулиган», хотя букв, конечно, никаких нет. Симпатичный – почему-то мне кажется, в его крови побывали эльфы. Южные – они тоже темноволосые и темнокожие. И глаза у них такие же жгучие.

– Что, Вейл, ее еще в твоей коллекции не было? – бросает одна из проходящих мимо пруда девушек. Кажется, я видела ее около Ромиона.

Вейл с улыбкой поворачивается ко мне.

– Кстати, да, я и не подумал. Слушай, новенькая, что ты делаешь сегодня вечером? Пойдем слушать соловьев в лунную рощу? – он оглядывает меня долгим взглядом, мокрую и изумленную. – Я, конечно, не большой любитель экзотики... Но сама понимаешь, у меня репутация. Ничего личного, ты мне нужна для количества.

Один из его «телохранителей» улыбается, второй тоже глядит на меня так, как иногда смотрят сыновья папиных друзей. Вроде как не хочется, но надо, а раз надо, можно же получить удовольствие?

Я подхожу к бортику, прислоняюсь грудью, тоже смотрю на Вейла изучающе и качаю головой:

– Не-а. Ты не в моем вкусе. К тому же я вроде как невеста. Не твоя.

– А, Ромион не будет против, – спокойно бросает Вейл. –

Ты мне только скажи: у тебя бородавок нет? И эта твоя... сыпь не заразная?

Мне хочется сказать, что заразная я вся. И что я, такая вот зараза, сейчас искупаю его в этом милом прудике с пятнистыми рыбками, и пусть он у них тоже спросит, вдруг и они заразные?..

Но я не успеваю. Другой голос твердо произносит:

– Вейл, оставь ее в покое.

И я машинально отступаю от бортика, а Вейл, даже не оборачиваясь, лениво отзывается:

– Не мешайся, бастард. Нам сегодня не до тебя.

Я же смотрю на веснушчатое Совершенство, от которого не могла отвести глаз еще в классе. И ничего не понимаю. Бастард?

Совершенство подходит к бортику и протягивает руку. Мне. Он мне руку протягивает! Что, что делать? А вдруг он тоже считает, что я заразная? Нет, тогда бы он руку не протянул. А вдруг...

В общем, я стою, как... не очень умная лягушка, в воде (почему я резко глупею рядом с ним?!), а Вейл тем временем со смешком заявляет:

– Да брось, Дамиан, не смущай девушку. Она принцесса, хоть и лягушка. А какая принцесса хотя бы глянет в твою сторону?

Дамиан? Его зовут Дамиан?.. А... Что? Глянет? Я, я гляну!

Дамиан тем временем заливается краской, смотрит на Вейла – тот уже снова повернулся ко мне – и резко выбрасывает вперед кулак. Вейл, покачнувшись, падает в воду – совсем не изящно, подняв тучу брызг. Я отшатываюсь к каменной лягушке-фонтану, а у пруда тем временем завязывается драка, потому что оба «телохранителя» набрасываются на одного Дамиана без всякого зазрения совести, и проходящие мимо девицы (кажется, уже другие) не делают ровным счетом ничего, чтобы их остановить (хоть бы позвали кого-нибудь!), а только одна лениво бросает другой: «Похоже, Дамиан опять не дал этим троллям списать исследование по магспецу», а Габриэля где-то носит, и всплывший Вейл, естественно, напрочь забыв про меня, спешит поучаствовать...

И тут буквально на ультразвуке раздается:

– Прекратить! Немедленно! Прекратить!

К пруду со стороны учебного корпуса несется, подпрыгивая на тонких ножках, и жужжа, как здоровенная муха... Хм, здесь снова нужно небольшое отступление. Дело в том, что все знают про фей-женщин. Но мужчины у них тоже есть. И если феи-женщины прекрасны, сластолюбивы и легкомысленны, то мужчины играют примерно ту же роль, что и трутни в пчелином улье. Хотя нет, трутни вроде не работают. Мужчины-феи работают. Много. За двоих – себя и жену. И, о боже, они уродливы.

Несущийся к нам фей нелеп, нескладен, кричит на ультразвуке, потрясает какой-то тростью в одной из четырех рук...

Драка заканчивается моментально. И Вейл, и его телохранители встают по стойке «смирно». Дамиан тоже поднимается, рукавом вытирая кровь. И я на всякий случай залезаю на бортик. Феи-мужчины шутить не умеют.

– Дамиан! – вопит фея. – Снова?!

– Он меня в пруд сбросил, – ябедничает Вейл и напоказ отряхивает руку.

Фей отшатывается от брызг и в немом гневе смотрит на бледного Дамиана.

– Неправда! – разбиваю паузу я. – Это я сбросила, – между прочим, правда хотела. Но не успела. – А он мне гадости всякие говорил, – указываю я на Вейла.

Тот изумляется.

– Кто? Я?!

Фей поворачивается ко мне – словно только сейчас заметил. И всплескивает руками. Всеми четырьмя.

– Принцесса! В каком вы виде?

– А в каком я виде? – повторяю я. – В нормальном я виде. Вам что-то не нравится?

– На территории школы нельзя купаться! – две руки феи прижимает к щекам. Двум из четырех. Они у него еще и висят, как у бульдога.

– Да ладно? – Я наклоняюсь и выжимаю подол платья – прямо на сапоги кому-то из Вейловых телохранителей. – Спасибо, что сказали. А то я бы не догадалась.

Фей краснеет, потом бледнеет – я начинаю бояться, что у

него сейчас случится удар.

– Два часа в карцере! И больше никаких... никаких...

– Заплывов? – улыбаюсь я.

– Никаких!

– Хорошо-хорошо. Вы, главное, не волнуйтесь.

Фей закатывает глаза – два из четырех. Потом одной из рук указывает на Дамиана.

– Вы тоже! Тоже два часа в карцере. А вы, – он поворачивается к Вейлу с телохранителями. – На урок! Сейчас же!

Это или волшебство, или всю святую троицу действительно сдувает ветром.

– За мной! – командует фей. И, жужжа да пыхтя, огибает пруд по дорожке к роще.

– Господин хороший! Вы мой поводок забыли! – кричу я вслед и смеюсь, когда фей подпрыгивает и раздражается визгливыми криками. Феи-мужчины правда забавные.

Дамиан прижимает руку к носу, и вся моя веселость тут же испаряется. А когда он проходит мимо, я тихо бросаю:

– Спасибо.

Он смотрит на меня всего мгновение. Одно. Зато *как* – я отшатываюсь и понимаю, что даже если бы повстречалась ему после полуночи, мне бы ничего не светило. Кажется, он меня за что-то ненавидит. За что? Что я ему сделала?

Спросить (и получить новый такой взгляд) как-то не тянет. Поэтому мы идем следом за феем и дружно делаем вид, что одного из нас не существует. У нас обоих это хорошо

получается.

В карцер я попадаю чисто случайно: меня, как даму (фей ввернул), пропускают первой, и я просто не успеваю рассмотреть, куда именно захожу. А если бы первым шел Дамиан, я бы затащила фею за собой – и пусть бы он только попробовал оставить меня в этом жутком месте! Я бы ему всех маминых родственников вспомнила! И всех бы пригласила к нему в гости! Вот бы он тогда попрыгал...

Больше всего это напоминает темницу из фильма ужасов: каменный мешок, в котором где-то далеко вверху в сетчатый люк светит солнце, а внизу сумрачно, прохладно, и на полу – солома. А на стене – плесень. И сороконожка, от которой я отпрыгиваю, тут же стучаясь о противоположную стену, и что-то острое впивается мне в спину. Я поворачиваю голову...

Фей визжал тоньше, пока нас сюда вел. Зато у меня получается громче. Сильно. Особенно с учетом эха.

– Он н-неживой? Он же п-правда н-неживой? – всхлипываю я, отшатываясь. А скелет на стене, в который я спиной и уткнулась, поскрипывает в ответ, качаясь в цепях. Череп катится по полу, и мне чудится, что у него в глазницах что-то светится...

Дамиан молча встает с соломы в другом углу. Подходит, подбирает череп и ловко прикрепляет его обратно к позвоночнику.

– А... А м-можно его г-глазами обратно п-повернуть? –

Меня колотит от страха. Я вижу, что свет в глазницах мне померещился... Но все равно не имею никакого желания торчать здесь и смотреть, как скелет смотрит на меня!

Дамиан бросает на меня удивленный взгляд, тихо вздыхает и все так же молча поворачивает череп глазницами к стене.

– Сп-пасибо. А он не встанет... ну... в смысле, не оживет?

Дамиан хмурится, но только качает в ответ головой и возвращается в свой угол.

Следующие два часа мы сидим каждый в своем углу. Молча. Дамиан, кажется, спит.

В карцере душно и санитарией, полагаю, не пахнет. Сороконожка, во всяком случае, тут не одна. Ненавижу их и гусениц. Остальных насекомых еще терплю, но этих... Откуда-то тянет сыростью. Я коротаю время, сочиняя жалобу на имя кого-нибудь, в которой объясняю, что людей нельзя держать в таких жутких условиях. Даже в качестве наказания.

Когда два часа спустя дверь открывается, я тоже дико хочу спать. Вся решимость сделать из фея набивного трутня пропадает – я еле ковыляю «на выход». Мне нужна ванна... Мне очень нужно искупаться...

– Запомните, юная принцесса, что за каждую вашу провинность... – наставительно начинает фей.

– Вы сами-то там сидели? – бросаю я вместо того, чтобы дисциплинированно слушать, что со мной сделают за каждую мою провинность.

Дамиан бросает на меня странный взгляд, отряхивает брюки от соломы и уходит. Я грустно смотрю ему вслед. Не понимаю...

– Я? Конечно нет! Юная леди, как вы разговариваете...
Оборачиваюсь.

– Так вот, сядете. Это я вам обещаю. Я вас туда посажу, а ключ выброшу. – Я замечаю в отдалении Габриэля и иду прочь. Фей еще что-то кричит, но они же всегда кричат, эти трутни...

– Где тебя носило?!

– Я два часа ждал вас здесь, – невозмутимо отзывается рыцарь.

– Правда? Меня чуть не побили, меня посадили в какую-то тюрьму, а ты ждал здесь?!

– В карцер с вами мне нельзя, да это и не нужно, ничего дурного там с вами произойти не может, – спокойно отзывается Габриэль.

– Не может? Я там чуть со страха не окочурилась!

– Я слышал, – кивает Габриэль. – А бить вас никто не собирался. Если бы били вас, я бы вмешался.

– Отлично. Значит, когда бьют того, кто за меня действительно вступился, тебя где-то носит. Прекрасно. Я тебя ненавижу! – с этими словами я разворачиваюсь и иду куда глаза глядят. Глаза очень быстро заволакивают слезы, но это ладно, это все равно. После слез всегда легче (я и так не знала, куда идти).

– Вас бы не тронули, ваше высочество, – пристраивается позади Габриэль. И неожиданно тихо добавляет: – Кроме того, какое вам дело до других?

Я оборачиваюсь. Мне не хочется спорить. У меня просто нет сил сейчас спорить.

– Отвези меня домой. Пожалуйста.

– Идемте, ваше высочество.

В карете я отворачиваюсь к окну и старательно жалею себя. Сама себя не пожалеешь – никто не пожалеет. А после слез и правда легче.

Габриэль молчит. Но он всегда молчит.

Дома – в столичном особняке принцессы Розалинды – я долго стою перед зеркалом в спальне. Я очень старательно вспоминаю, кто мне что сегодня сказал, любую мелочь, любую гадость, утрирую ее – чтобы выбросить из головы навсегда. Иначе так и будет возвращаться в мыслях по кругу.

За спиной приоткрывается дверь, и я вижу в зеркале отражение Габриэля. Он привычно встает у стены. Какое-то время мы молчим, потом я не выдерживаю:

– Все это правда, что сегодня на уроке рассказывали про Розалинду и гоблинов?

– Да, ваше высочество.

– Ты был вместе с ней тогда?

– Да, ваше высочество.

– Ей было плохо у гоблинов?

Габриэль медлит с ответом, и это заметно.

– Я не думаю, что вашей сестре может быть где-то плохо. Киваю.

– Ты прав. Зачем плохо ей, если есть я? Она же *меня* подставила. С гоблинами фее разобраться несложно. А сидеть в карцере – вот это действительно была бы проблема для бедной Роз. Там ведь даже конфет нет.

– Ваше высочество, я не думаю, что вы правы.

– Неужели?

– Принцессе Розалинде действительно пришлось бы не по душе школьная жизнь. Но вы сильнее ее, и вы справитесь куда лучше вашей сестры. Полагаю, она думала, что вам будет весело.

– Мне весело. Ты видишь, как мне весело? – хмуро говорю я. – Да ладно, Габи. Давай сойдемся в одном: меня все ненавидят. Или презирают. И я действительно вылечу отсюда, как пробка, и Ромион рано или поздно от меня откажется. От меня, а не от Роз. Что? – я ловлю его взгляд в зеркале. – Ты и здесь не согласен?

– Нет, принцесса. Я думаю, что вы справитесь, – он протягивает мне свиток. Тот, что дала мне мадам Мелинда. – Я взял вам книги в библиотеке. И узнал домашнее задание. И уточнил программу. Все лежит в вашей учебной комнате.

Я смотрю на свиток и усмехаюсь. Все, лечебная терапия «пожалей себя, любимую» закончилась. Пора действовать. Что я, правда, разнылась? Не любят? Презирают? Можно подумать, я их люблю! А вот что мне действительно не нравит-

ся – так это перспектива выглядеть дурой. Это я могу изменить. Внешность – нет, с репутацией Роз уже поработала... Буду менять что можно. Они еще плакать станут, когда я от них уйду.

– Спасибо, Габриэль.

Солнце гаснет за горизонтом, и спустя мгновение из зеркала на меня смотрит красавица. Я – красавица. И если днем другие этого не видят – значит, они слепые.

На мгновение, когда я оборачиваюсь, мне кажется, что Габриэль улыбается. Не знаю, потому что стоит мне моргнуть, и его лицо уже снова невозмутимо. Но я на всякий случай улыбаюсь в ответ.

– А где здесь учебная комната?

Ночью мне снится Дамиан – в той фантазии, где принц целует меня и говорит, что бросит мир к моим ногам. Я целую его в ответ, и мне хорошо. И когда я просыпаюсь, отдохнувшая, мне тоже хорошо. Пусть это только сон. Все равно – хорошо.

Потому что все будет только хорошо. Я так сделаю.

Глава 4, в которой меня чуть не съедает демон и я знакомлюсь с настоящим демонологом

– Итак, какой план придумал Фейхтр Хмурый, чтобы привести гоблинов к победе у Синих гор?

Слышится шелест страниц. Все пятнадцать человек в классе дружно листают учебники истории, пытаюсь найти описание битвы у Синих гор. Ладно, *почти* все пятнадцать человек: двое продолжают смотреть на зеркало (которое здесь вместо доски) и карту на нем. Ромион (ботанит принц, кажется, по-черному). И Дамиан. На последнего я старательно не гляжу – зато сверлю затылок Ромиону. У меня от этого всякие мысли кровожадные в голову лезут. Может, как-нибудь принести в школу ножницы и под шумок обрезать

принцу кудри? Скажу, что в качестве талисмана понадобится... Или ингредиента. Приворотное зелье варить собираюсь... Вдруг он тогда ночь спать не будет, кошмарами мучаясь? А что, я вчера такое хорошее зелье вычитала в учебнике алхимии... Правда, вряд ли оно у меня получится – пометка «третий уровень сложности» стоит на нем, полагаю, не зря. Но пометчать?..

Учитель истории с кровожадной улыбкой обводит взглядом класс. С такой же миной, наверное, облезлый кот кружит вокруг замершей мыши, придавливая ей лапой хвост.

– А расскажет нам об этом...

Сейчас будет долгая пауза. Точно будет. Театральная. Такие, как этот мастер Хэвишем, любят почувствовать себя значимыми за счет других. Наверняка я угадаю, если скажу, что мастер Хэвишем не женат, точнее, разведен, и в комплект к мастеру Хэвишему прилагается очень пробивная мамочка, в смысле будущая свекровь. Оттого на мастере Хэвишеме отглаженная рубашка (или сорочка? Они здесь свободные, легкие и иссиня-белые, кроя как в «Ромео и Джульетте») и вычищенная, прилизанная мантия с воротником из шкурки какого-то бедного зверька, Гринписа на них нет! А вот то, чего материнская рука не коснулась, у мастера топорщится и торчит. Например, волосы. Это надо уметь – соорудить такой беспорядок из прически. И обзавестись такой фигурной лысиной.

– Итак, нам расскажет...

Я вздыхаю, закатываю глаза – долгая театральная пауза-а-а – и откидываюсь на спинку кресла.

Мастер Хэвишем последний раз окидывает взглядом класс – больше десятка склоненных спин. Натывается взглядом на меня. И его улыбка становится еще шире.

– Принцесса Розалинда. К зеркалу.

Шарик – ко мне! Я старательно прячу улыбку и иду к зеркалу. По классу проносится вздох облегчения и предвкушающий смешок. Смейтесь-смейтесь!

Заботливый Габриэль ночью отправил слуг, включая мою камеристку, к портному, а утром Розалиндиным платьям пришлось потесниться: я обзавелась удобными и простыми брюками, больше похожими на шаровары, и туниками с рукавами из легкой, но непрозрачной ткани. Все это довольно изящно украшают вышивки с какими-то цветочными мотивами, но так, чтобы в глаза сразу не бросались. А да, и еще утром же доставили шесть пар туфель без каблучков, удобных настолько, словно их специально по моей ноге делали.

В карете я не выдержала и поинтересовалась у Габриэля, что это на него нашло? Учебники, смена гардероба? Отчего такая забота? Габриэль невозмутимо сообщил, что все это входит в обязанности рыцаря. Потом отвернулся к окну и многозначительно замолчал. Сдается мне, он лгал.

Зато в новом наряде я уже не похожа на неуклюжую лягушку в розовом бальном платье.

– Итак, принцесса, – улыбается мастер Хэвишем. – Гово-

рят, вчера вы не могли найти на карте вашу страну. Надеюсь, с Синими горами вам повезет больше?

Серебряной палочкой-указкой (тоже спасибо Габриэлю) я молча провожу по зеркалу в районе этих самых гор.

Разочарованный вздох в классе. Мастер Хэвишем хмыкает.

– Повезло. Начертите теперь план битвы.

С нуля? Вот... жук! Я замираю перед зеркалом, где карта приблизилась, сами горы, точнее их пики, исчезли, осталось только поле, вернее, сильно пересеченная местность, на которой две армии когда-то дрались (полагаю, они тоже были в шоке от такой диспозиции, потому что очень она для обеих была неудачной).

– Ну же, Розалинда. Или снова ждете, что жених вас спасет? Что ж, *прекрасных* дам, – это он выделяет, давая понять, что в данном случае дама совсем не прекрасна, – надо спасать. Принц Ромион!

Кресло в первом ряду с готовностью отодвигается...

– Не нужно, – я быстро-быстро начинаю водить палочкой по стеклу. – Я сама.

Черчу схему – я на всякий случай вчера ее запомнила. Рассказываю практически наизусть весь параграф. Даже залезаю немного назад, чтобы напомнить, какого черта эльфам с гоблинами было воевать. Даю полную характеристику самого Фейхтра, а также его клана до седьмого колена включительно. Потом прохожусь по эльфам. От меня достается

даже младшей сестре эльфийского короля Фиолинель Изумрудной, которая в это время еще под стол пешком ходила. Наконец я выдыхаюсь и свирепо смотрю на учителя.

Он тоже на меня смотрит. Так, словно... хм, лягушка заговорила. И сказала что-то умное. По-моему, его тянет перекреститься. Свят-свят!

Тихо скрипит кресло в первом ряду – это Ромион садится на место. Он так весь мой ответ и простоял. Мне очень хочется бросить на него победный взгляд – тоже мне, нашел даму в беде. Сама справлюсь. Сейчас только мой дракон разродится уже какой-нибудь речью. Эй, мастер Хэвишем, челюсть с пола поднимайте да отпускайте меня на место с отличной оценкой. Или вы хотите еще про какие-нибудь славные деяния Фейхтра Хмурого услышать?

– Удовлетворительно, Розалинда, – наконец сообщает мастер, и я вздрагиваю. Тройка? Что?! – Вы можете вернуться на место.

Конечно, я остаюсь стоять.

– Удовлетворительно? За что?

Мастер Хэвишем поднимает брови.

– За ваш ответ. Розалинда, садитесь.

– То есть я где-то ошиблась?

– Розалинда...

– Где?

– Розалинда, немедленно сядьте! Или я отправлю вас в карцер!

Сейчас я прожгу его взглядом без всякой магии. Есть в жизни справедливость или нет?!

– А я не уйду, пока не узнаю, где я ошиблась.

– Час в карцере, Розалинда, – и тише добавляет: – Вы нигде не ошиблись.

– За что тогда вы снизили мне оценку?

– Снизил? – начинает улыбаться этот облезлый кот. – А вы полагаете, вы ответили... как?

– Отлично, – выплевываю я. – Я полагаю, я ответила отлично. Вы сами сказали, что ошибок в моем ответе не было.

Мастер Хэвишем улыбается.

– Что ж... Принц Ромион!

Тот снова встает. Я перевожу взгляд на него.

– Что бы вы поставили Розалинде за ее ответ?

Я стискиваю зубы. Сейчас этот малыш мне неуд влепит, и чего я тогда тут комедию ломаю? Но пусть только влепит, я придушу его потом голыми руками! После мастера Хэвишема, разумеется.

Ромион смотрит на меня и какое-то время молчит. Я с яростью гляжу в ответ. Ну давай, давай! За это время я успеваю придумать ему тридцать три несчастья, большая часть которых неосуществима, но помечтать о них все равно очень приятно.

– Отлично, мастер Хэвишем, – наконец твердо говорит Ромион. – Я бы тоже поставил Розалинде отлично.

Мастер Хэвишем потрясенно смотрит на него. На одно

долгое мгновение я представляю, что карцер мы на этот раз будем делить с Ромионом. Хм, может, за час мне удастся убедить его отказаться от свадьбы?

– О вашем благородстве когда-нибудь сложат легенды, Ромион, – улыбаясь, говорит наконец мастер Хэвишем. – Что ж, неудивительно, она ведь ваша невеста. Я об этом не подумал.

Ромион морщится, но садится. А учитель оглядывает класс.

– Кто-нибудь поставил бы принцессе удовлетворительно? Кто-нибудь, кого она еще не очаровала?

В воздух сразу поднимается с десятков рук. И с середины класса Вейл выкрикивает:

– Да ставьте хоть неуд, я за, только мне тогда отлично за полугодие!

– Неуд? – улыбается мастер Хэвишем. – Прекрасная идея! – и склоняется над журналом.

– Да скажите уже правду: я вам не нравлюсь, а не мой ответ, за это и неуд, – горько говорю я, стискивая серебряную палочку. Треснуть бы ею учителя по голове. Или сразу в глаз? – Не беспокойтесь. Вы мне тоже не нравитесь.

– Два часа в карцере, – отзывается мастер Хэвишем.

Я молча разворачиваюсь и направляюсь к двери.

– Розалинда, вы будете отбывать наказание после урока. Вернитесь на место!

– Зачем? Сомневаюсь, что вы хоть чему-то путному меня

научите, – бросаю через плечо я. И эффектно хлопаю дверью. Эффектно хлопнуть дверью я умею. И, если хоть что-нибудь понимаю, сегодня мне предстоит снова побывать в кабинете директрисы. Наш физик, например, после похожей сцены именно так и поступил: настучал на меня директору. Ну и... Ну и пожалуйста.

Фей сажает меня под замок с видимым удовольствием – а я же с удовольствием ему улыбаюсь. Потом устраиваюсь на соломе, достаю из-под туники бестиарий – отлично, вчера не успела прочитать. И начинаю знакомиться с местным разнообразным внешним миром. Как раз к третьему уроку снова буду самая умная. Так что карцер мне сейчас к месту – где еще можно совершенно спокойно поучиться? На уроке тот же мастер Хэвишем только рад будет подловить меня за чтением «посторонней литературы».

Через час ко мне в карцере присоединяется Дамиан. Я поднимаю голову от учебника, когда он заходит, и небрежно бросаю:

– Что, место встречи изменить нельзя?

Он удивленно смотрит на учебник у меня в руках, шмыгает разбитым носом и запрокидывает голову.

Я протягиваю ему платок.

Дамиан отворачивается.

– Слушай, что я тебе сделала? – не выдерживаю я. – За что ты меня так не любишь?

Спина Дамиана на мгновение выпрямляется, и я даже ре-

шаю, что сейчас меня удостоят ответом. Но нет, он просто смотрит на скелет в цепях. Внимательно. Со значением.

Вздыхая, перелистываю страницу. Ну и ладно. Может, и я скоро пойму, почему его так все сторонятся?

Еще через час я успеваю прочитать бестиарий целиком и повторить отличия синих драконов от серебристых, а также низших демонов от высших. И от анимальных. И от этих... как их... подвидов духов.

Выходим мы с Дамианом вместе. А потом Габриэль ведет меня к директрисе – говорю же, мастер Хэвишем предскажем, как и наш физик.

Черный манул снова показывает мне язык со стола.

– Я знала, что с тобой будут проблемы, – говорит директриса, сверля меня недовольным взглядом.

Тянусь погладить кота. Тот с любопытством наблюдает за моей рукой, потом в последний момент подставляет под нее голову. Точнее, левое ухо, потому как вся голова в мою ладонь не помещается.

– О твоих выходках будет сообщено родителям.

Кот бодает мою руку и начинает тарыхтеть.

– Маме не забудьте рассказать, – подмигиваю я. – Ей очень понравится, что здесь так весело. Может быть, она меня даже навестит.

Директриса замирает с открытым ртом. Еще бы, моя мама – наследница королевы фей. Просто так ее не выгонишь, но и терпеть ее выходки невозможно, потому что меры мама

не знает. Папа всегда говорил, что упрямством и умением находить неприятности на свою голову я вся в нее.

– Отцу я точно напишу, – наконец бросает директриса. Киваю.

– И добавьте, пожалуйста, что сено в вашем карцере не меняют уже два дня. А насекомых вообще никогда не травили.

– Вон отсюда, – устало выдыхает директриса. – Наказание я тебе потом придумаю.

Я переступаю через порог и слышу, как она жалуется коту:

– Вот видишь, Кортни, вот видишь – поэтому я и хочу работать трактирщицей. В трактире надоедливых клиентов хотя бы без проблем заколдовать можно...

Кот согласно тархтит.

– Габриэль, мы пообедать уже не успеваем? – вздыхаю я, выходя на солнцепек и бросая взгляд на башенные часы. Почти полдень.

– *Вы* не успеваете, – поправляет Габриэль. Потом неожиданно добавляет: – Но я знаю короткий путь на кухню.

Я с улыбкой оборачиваюсь.

– Габриэль, я тебя обожаю!

Лицо рыцаря на мгновение озаряет предательская улыбка, но Габриэль тут же возвращает свою маску вселенской невозмутимости.

– Как скажете, принцесса. Идемте.

Мы не идем, мы бежим – урчащий желудок отлично меня

подгоняет. Проходим (пробегаем) какие-то коридоры, галереи, лестницы... За одним из поворотов я мельком замечаю Ромиона, быстро удивляюсь: он же тоже опоздает! Разве не должен наш отличник сидеть на уроке с учебником в зубах вместо розы?

– Принцесса, поторопитесь! – зовет Габриэль, и я, ускоряя шаг, пролетаю мимо Ромиона: он топчется у какой-то закрытой двери, рядом с которой...

Стоп, я этот пиджак, в смысле камзол (или как там эта деталь одежды правильно называется?) уже видела. И сумка с какой-то странной висюлькой, которыми парни обычно брезгуют, потому я и заметила: Дамиан такую же висюльку в карцере в пальцах, забывшись, вертел... И вчера, и сегодня...

Торможу и возвращаюсь к закрытой двери. Странно бледный Ромион как раз склоняется над пиджаком-камзолом Дамиана, когда я, встав у него за спиной, радостно интересуюсь:

– А что тут происходит?

Ромион подпрыгивает – не хуже меня, хоть и не лягушка. Оборачивается и мгновение испуганно смотрит на меня.

Улыбаюсь в ответ и киваю на дверь.

– Что там?

– Ничего, – Ромион с очевидным трудом пытается сделать вид, что все в порядке, он только мимо проходил, а я здесь вообще лишняя.

Я бросаю взгляд на сумку с висюлькой: капельки камней странно поблескивают. Перевожу взгляд на Ромиона и замечаю в его руке ключ. Ясно же, что он от этой закрытой двери.

– Принцесса! – встречает вернувшийся Габриэль. – Если вы еще хотите пообедать и не опоздать на урок, то, пожалуйста, поспешите!

Ромион переводит взгляд на Габриэля и почему-то отступает к стене. Рыцарь же бросает взгляд на дверь и на глазах бледнеет.

– Кто-нибудь скажет мне, что тут происходит?! – не выдерживаю я.

– Ничего! – хором восклицают Ромион с Габриэлем.

Словно в ответ за дверью раздается такой рев, что вздрагивает пол у нас под ногами.

– Принцесса, идемте, здесь опасно, – говорит в наступившей после этого тишине Габриэль и быстро хватается меня за руку.

Новый рев эхом проносится по коридору – я вырываюсь, подсакиваю к Ромиону и кричу:

– Дамиан там? Да? Да?!

А когда принц не отвечает, вырываю у него из руки ключ и бросаюсь к двери.

– Принцесса, нет! – Габриэль пытается забрать ключ, но я отталкиваю рыцаря.

– Не мешай мне! Это приказ! – И Габриэль тут же замирает.

Сую ключ в замочную скважину – когда опомнившийся Ромион бросается ко мне:

– Розалинда, он прав, уходи!

Я рывком распахиваю дверь, и его слова «Там демон!» заглушает новый рев.

Да. Там – демон. Я видела сегодня эту страхолюдину в бестиарии на картинке. Это... подвид анималий. Крупнее обычных животных, но форму принимают исключительно звериную. Питаются живой плотью. Любой, включая человеческую. Призывать необходимо жертвой или волей дара, если таковой имеется. Но уже призванного демона-анималия остановит только защитный контур, через который демонологу переступать ни в коем случае нельзя, иначе демон его с удовольствием сожрет за компанию с жертвой.

Контур начерчен у порога, через который я, естественно, тут же и переступаю. А стоящий на двух лапах здоровенный – под потолок – тигр оставляет в покое связанного и какого-то квелого Дамиана, тянет носом и в два прыжка оказывается передо мной.

«И что теперь?» – мелькает у меня в голове уже в полете, точнее, в прыжке к потолочной балке – за какую-то долю секунды до того, как зубы тигра смыкаются на том месте, где я до этого стояла.

Никогда не думала, что я настолько акробатка... Наверное, стоило по папиному совету пойти в кружок гимнастики. С такими данными я могла бы даже стать чемпионкой...

Чемпионкой или нет, а вот убегать от огромного тигра на самом деле не очень сложно. Только очень страшно. А так – балок тут оказывается много, полок – неожиданно тоже. Правда, на этих полках что-то стоит... Точнее, стояло... Раньше...

А потом тигр додумывается уменьшиться – и в два счета загоняет меня в угол комнаты. В этот-то момент я и понимаю, что папа имел в виду под «когда все действительно хреново, ты познаешь дзен». Правда, папа обычно так говорит про налоговых инспекторов, которые неожиданно-негаданно могут нагрянуть на голову несчастного гендиректора. Но, глядя в распахнутую и очень зубастую пасть тигра-демона, дзен я тоже познала. Это изумительное спокойствие – когда ты смотришь в глаза (простите, в пасть) смерти и смиряешься с неизбежным.

От большого смирения, за мгновение до того, как пасть тигра захлопнулась, я оглушительно квакаю:

– Сидеть!

Тигр садится. По-моему, больше от изумления, чем действительно команда срабатывает – потому что он тут же снова увеличивается до потолка и недовольно рычит.

– Кис-кис-кис, – лепечу я, не понимая, я еще живая или уже мертвая.

Тигр снова припадает к полу, а потом оглушительно воет под громкий заунывный речитатив, причем на два голоса. Как потом оказывается, начинает его очнувшийся Дамиан, а

заканчивает, удивительно слаженно, Ромион, которому все-таки духу и совести хватило переступить защитный контур.

Под заклинание демон исчезает в облаке дыма – хотя его рев мне еще долго потом чудится, и я каждый раз вздрагиваю. А злой, как тысяча чертей, Ромион поворачивается ко мне и шипит:

– Зачем ты полезла? Тебе что, больше всех надо?!

Еще минуту назад я задавалась тем же вопросом. Но сейчас я смотрю на Дамиана, который медленно, с трудом пытается освободить руки – их привязали к креплению одной из полок. Выглядит он словно хорошо выпил или что-то мощное выкурил. Или его чем-то опоили. Например, за обедом, который я пропустила.

Потом я перевожу взгляд на руки Ромиона, испачканные в чернилах. Точно такими же чернилами выведены линии схемы на полу...

– Зашибись у вас тут шуточки! – вырывается у меня. – А если бы его съели?

Ромион бросает короткий взгляд на Дамиана и снова дергает уголком рта.

– Его бы – не съели. А вот тебя!..

– Ты в этом так уверен? – Я смотрю на его испачканные руки. – Тебя бы привязать – и на его место!

– Ты ничего не понимаешь!

Я наконец-то встаю – и наконец-то возвышаюсь над Ромионом.

– Тебя самого от себя не тошнит?

Если ответить он и собирается, то не успевает, потому что в комнату вваливается сразу с десятков человек (подозреваю, по крайней мере, половина до этого была зрителями). Сразу поднимается дикий гам: кажется, все говорят разом, а вездесущий фей (которому как раз больше всех надо) визжит на ультразвуке.

Конец этому хаосу приходит с появлением директрисы. Точнее, ее кота. Манул оглушительно рывкает, потом прыгает ко мне и начинает тереться о мои колени.

– Кажется, на последнем учительском собрании я особенно подчеркивала, что демонология у нас в программу не входит, – задумчиво говорит директриса, склоняясь над линией схемы.

– Не входит! – пищит какая-то учительница, которую я до этого приняла за студентку младшего класса. – Я вам месяц назад новый план на подпись подала. А вы так и не...

– Тогда кто додумался вызвать демона в школе? – сладким голосом перебивает ее директриса и поворачивается почему-то к Дамиану.

Тот прекращает дергать руками и устало смотрит в ответ. Открывает рот... и молчит.

– Дамиан, я же тебя предупреждала, – вздыхает директриса. – Еще одна такая выходка – и ты вылетишь из школы.

Дамиан пытается что-то сказать, но у него не выходит. Зато выходит у меня. Я хватаю Ромиона за руку и толкаю к ди-

ректрисе.

– Вот. Он вызвал! Он нас двоих чуть не убил!

Принц вырывает у меня руку и отступает.

– Ромион? – Директриса удивленно смотрит на меня. – Конечно нет, он не мог.

– Не мог?! – ахаю я.

Директриса тем временем отчитывает Дамиана, которого никто даже не додумался развязать.

– Мне придется занести этот неприятный эпизод в твоё личное дело...

– А вас не смущает, что он связан? – вырывается у меня.

Директриса на мгновение замолкает. Потом удивленно выдыхает:

– Дамиан, скажи мне, что ты вызывал не суккуба!

Про суккубов в бестиарии ничего не было, так что я не знаю, почему присутствующие вдруг начинают понимающе улыбаться, а кто-то из учителей говорит:

– Нет, это был анималий.

– О звезды! – восклицает директриса.

И Дамиан заливается краской.

– Да признайся же ты! – кричу я Ромиону, который, в отличие от остальных, не улыбается. – У тебя совесть есть?!

Ромион отступает от меня, как от сумасшедшей, а директриса немедленно просит кого-то из учителей увести принцессу, а то ей, кажется, плохо.

– А в следующий раз он его убьёт, – я тычу пальцем в

Ромиона, – и вы тоже скажете, что он не мог? Потому что он принц?!

Меня быстро уводят, но я успеваю поймать изумленный, не верящий взгляд Дамиана – и снова ничего не понять. Но подумать над этим не удастся, потому что за дверью меня ждет Габриэль, и он в бешенстве. Этого даже маска невозмутимости не скрывает.

– Ну и где ты на этот раз был? – бросаю я, когда мы остаемся одни у пруда с лягушкой-фонтаном.

– Исполнял ваш приказ: не мешал! – злится Габриэль. И тут же: – Вы знаете, как легко вас могли убить?

Я смотрю вдаль – там фей почти на руках тащит Дамиана... понятно куда. Учителя расходятся. Директриса в сопровождении кота идет по дорожке и тихо жалуется на жизнь: «Почему я имею дело с идиотами?»

– Я не мог переступить защитный контур и защитить вас, – продолжает Габриэль. – А вы знаете, что бывает с духом, который не исполнил приказ призвавшего его мага?

Я поднимаю на него недоуменный взгляд.

– Что?

Габриэль глубоко вдыхает... и в подробностях рассказывает, как тяжело бедному духу в таких случаях приходится. И подытоживает это заявлением:

– С юношей все равно бы ничего не случилось.

– Это почему это? – фыркаю я, наклоняясь над фонтаном.

– Принцесса, вы помните, что купаться на территории

школы...

– Почему ты уверен, что с Дамианом ничего бы не случилось? Когда я заходила, демон готовился его сожрать.

– Потому что он сильный демонолог, – отвечает наконец Габриэль. – В отличие от вас.

– Угу. Связанный и опоенный. Очень сильный демонолог. Без руки бы влекую остался. Если демоны с головы не начинают. Что? Я права?

– Вам-то какое дело? – интересуется в ответ Габриэль.

– А я за добро и справедливость, – отзываюсь я и делаю заметку на будущее: перед важным разговором о свадьбе опить-таки Ромиона тоже какой-нибудь гадостью. Ха, правильный мальчик-ботаник. Дети – цветы жизни. Ага, убил бы брата, ребенок великовозрастный...

Следующие полчаса я провожу в библиотеке – узнаю побольше о чудище, которое меня чуть не съело, а также о всяких зельях, от которых демонологи становятся вялыми и квелыми, как после похмелья. Библиотекарь, милая старушка-одуванчик, правда, интересуется, почему я не на уроке, но потом быстро ударяется в объяснения. Заметка вторая: я знаю, где буду проводить перерывы между занятиями. В библиотеке очень мило: не солнечно, не темно и не жарко. И книжной пылью приятно пахнет.

Узнав все в подробностях, я заглядываю-таки на кухню – Габриэль показывает дорогу без лишних слов. Потом нахожу фея – он же тут главный по дисциплине?

– Что? – взвизгивает он, когда оборачивается и видит меня.

– В карцер хочу, – улыбаюсь я. – Посадите.

– Что?!

– В карцер. Посадите. Пожалуйста. Меня, – отдельно (на всякий случай) повторяю я.

Фей смотрит на меня, как на чокнутую.

– Принцесса Розалинда, почему вы не на уроке?

– Вот, за это и посадите.

– Возвращайтесь в класс, – неожиданно мирно говорит Фей. И снова склоняется над грядкой с цветами.

Я оглядываюсь. В фонтан прыгать нельзя – у меня еда и книги по карманам рассованы. Ну не устраивать же драку с Габриэлем! За что тут еще можно в карцер сесть?

О! Идея.

Бегу к учебному корпусу.

– А, Розалинда... – прерывает свой рассказ мастер Хэвишем, и карта в зеркале сменяется портретом кого-то из правителей гномов. – Вы опоздали.

Я замираю у порога. Ну!

– Садитесь, – бросает учитель и поворачивается к зеркалу. Да что такое!

– Мастер Хэвишем, отправьте меня в карцер, пожалуйста! – вежливо прошу я, а он оборачивается и изумленно смотрит на меня. Как и весь класс. Девицы рядом с Ромионом начинают шушукаться. Я слышу: «Совсем спятила...» –

но не придаю этому значения.

– Зачем?

– Какая разница зачем, просто отправьте! Вам же это нравится, – улыбаюсь. – И не нравлюсь я. Ну хотите, я назову вас занудным неудачником, который любит издеваться над студентами...

Через десять минут дверь карцера за мной закрывается. На два часа.

– Привет еще раз! – улыбаюсь я Дамиану, который бросает на меня усталый взгляд и отворачивается. – Держи.

Дамиан пытается сосредоточиться на серебряной фляжке.

– Ч-что... это?

– Концентрированный овощной сок! – радостно сообщаю я. – Лично следила, как на кухне готовили. Я же правильно понимаю, тебе от него должно стать легче?

Дамиан странно на меня смотрит.

– Слушай, я в курсе, что ты меня не любишь, и так и не понимаю почему. Но глупо отказываться от бокала овощного сока, если он тебе нужен. На!

Фляжка выпадает из рук Дамиана, он пытается ее поднять, промахивается...

– Почему карцер, а не лазарет? Здесь что, нет лазарета? Тебе же нужно в лазарет, – бормочу я, поднимая и открывая фляжку, а потом и держа дрожащие руки Дамиана так, чтобы он мог пить.

Проходит две минуты. С любознательностью естествоис-

пытателя я смотрю на Дамиана. Его взгляд наконец фокусируется на мне.

– Тебе лучше?

Он медленно кивает.

– Круто, – я оставляю ему фляжку, отхожу в другой угол и устраиваюсь на соломе (кстати, свежей) с учебником истории в руках. Завтра мастер Хэвишем меня на незнании материала не поймает...

– Зачем вы это сделали? – вдруг нарушает тишину Дамиан.

Я вздыхаю. «Вы»... Учебник не отпускаю – с него на меня глядит озверевшая морда Квентра Обалдевшего (классные клички гоблины своим императорам дают, да?). Что-то мне подсказывает, что лицо у меня сейчас похоже на этого Квентра. Тоже обалдевшее (ух ты, меня удостоили вопросом!) и злое (но выкают).

– Что сделала?

– Зачем эта забота? – уточняет Дамиан. – Вам списать что-то нужно? Или чтобы я что-то из уроков объяснил? Тогда просто скажите что.

Однако портрет Квентра уже не передает всех моих эмоций.

Я убираю учебник и поворачиваюсь к Дамиану. Он ждет.

– Я не понимаю...

Дамиан напряженно смотрит на меня.

– Что? Историю? Если вы о правителе гоблинов...

– Я не понимаю, почему самый красивый парень класса сидит на отшибе, как проклятый. – Ой, кажется, я только что призналась, что считаю его самым красивым! М-да... – Я не понимаю, почему в ответ на дружеское предложение выпить овощного сока, он начинает нести какую-то чушь. Я не понимаю, почему все вокруг от него шарахаются, и он большую часть времени проводит в карцере... В смысле, тут, конечно, уютно и никто читать не мешает... Но платить за это синяками и разбитым носом? И да, я не понимаю, почему принц-«я-у-мамы-правильный-мальчик» вызывает для него демона, хотя это совершенно точно запрещено правилами, а Ромион не из тех, кто будет их нарушать. Как мне кажется. В общем, вот, я не понимаю – я смотрю на Дамиана. Теперь он тоже напоминает Обалдевшего Квентра. – Объясняй. И кстати, почему мы на «вы»?

Дамиан в упор смотрит на меня. И усталым, преисполненным вселенской скорби голосом вдруг говорит:

– Потому что я бастард, – и замолкает, как будто это должно все объяснить.

Я непонимающе смотрю в ответ.

– И?

Дамиан хмурится, и я спешу добавить (потому что он, кажется, меня сейчас в идиотки запишет, если еще не успел):

– В смысле бастард – это побочный ребенок? Или это название какой-то заразной болезни, о которой я ничего не знаю?

Дамиан моргает и вдруг начинает хохотать. Да так заразительно, что мгновение спустя я присоединяюсь к нему, а еще через минуту дверь открывается и внутрь заглядывает изумленный фей. Я машу на него рукой, и он исчезает.

– Я не понимаю, – говорит, успокоившись, Дамиан. – Вам правда все равно? Я думал, вам со мной и в карцере будет невозможно сидеть.

– С тобой отлично сидеть в карцере, – усмехаюсь я. – Ты тихий. И давай на «ты»?

Дамиан грустно улыбается.

– Вы же принцесса.

– И прошу звать меня на «ты». Это странно – мы ровесники и выкаем. Между прочим, мы ведь даже нормально не познакомились, – я сажусь прямо и протягиваю ему руку. – Виола.

– Виола?

– Для друзей, – подмигиваю я. – Можно сократить до Ви.

– Друзей?

– Ты не хочешь со мной дружить? – Я все еще настойчиво протягиваю ему руку.

– Это ты не захочешь со мной дружить, принцесса, – качает головой Дамиан.

– Ну, тебе, конечно, виднее, – я убираю руку. – Может, расскажешь, почему тебя весь класс сторонится? Просто чтобы мне знать, к чему быть готовой.

– Потому что я бастард!

– Это я уже поняла, но ты мне скажи... И что? – выдыхаю я. – Только из-за этого?! – Дамиан кивает, и у меня вырывается: – Господи, я учусь со снобами и идиотами!

– Вот-вот, и я так думаю, – выпаливает Дамиан и, открыв рот, смотрит на меня.

Мы смеемся. Снова вместе.

– Ладно, – говорю я потом. – Расскажи тогда, что у тебя с Ромионом. Я поняла, он тоже сноб, но думаю, этого недостаточно для нарушения правил.

Дамиан садится ко мне поближе. А потом и я – тоже к нему поближе. И как-то так получается, что мы лежим рядышком на соломе, глядя на солнце в решетчатом люке над головой. Идиллия!

– Он мой брат, – отвечает Дамиан.

– В смысле? Он же принц.

– У нас общий отец, – объясняет Дамиан. – Покойный король Сиерны. А матери разные. Мать Ромиона была королевой. А моя, – он усмехается, – пастушкой. Но отец любил ее больше, чем жену, и держал во дворце. Она была его официальной любовницей. Нас с принцем даже растили вместе. Знаешь, одинаковые учителя, комнаты рядом, одинаковое оружие... Потом мать Ромиона смертельно заболела, и король попытался жениться на моей. Ее убили... – Он выдерживает паузу. – Все говорят, что это была естественная смерть, но они лгут. Я знаю, что ее убили, потому что она была неблагородной... Отец потом женился снова, на юной

королеве. И вскоре после этого умер тоже. Королева стала правительницей... Поэтому, – Дамиан усмехается, – забавно было, когда ты предложила Роми объявить королеве, что он отказывается от невесты. Послушал бы я, что ее величество сказала бы на этот счет.

– А что бы она сказала?

– Думаю, ничего: она бы попыталась Роми отравить. В тринадцатый раз, – усмехается Дамиан.

– Отравить? Зачем?

– Потому, Розалинда...

– Виола.

– Потому, Виола, что у нас есть еще один братик: королева успела его родить до того, как король умер. И если я на трон никак не претендую, то Ромион – официальный наследник. Королева, естественно, мечтает от него избавиться.

– Бедняга, – вырывается у меня.

– Да, все Ромиона жалеют, – зло говорит Дамиан и отворачивается.

– Бедняги, – поправляюсь я. – Слушай, извини. Я не знала. Правда. А если вы вместе росли, то почему тогда так друг друга не любите?

– Потому что отец всегда любил меня больше, – вздыхает Дамиан. – По крайней мере, Ромиону так казалось.

М-да. Вот какая, оказывается, жестокая правда скрывается за песней «Все могут короли»...

– Значит, не судьба мне убедить Ромиона от меня отка-

заться...

– Зачем тебе это делать? – Дамиан приподнимается на локте. – Он принц, ты принцесса. К тому же, поверь, он на самом деле очень... достойный принц.

– Угу, демонов вызывает.

– Демонов я вызываю, – улыбается Дамиан. – А Ромион владеет музыкальной магией. В совершенстве.

– Угу. – Значит, все-таки на чем-то он играет, я была права. – Круто. Только я все равно сейчас не чувствую себя готовой к замужеству. И потом... ты правда хочешь, чтобы такому, как он, досталась такая милая лягушечка, как я?

Дамиан смеется. У него красивый смех.

– Ты забавная, – наконец говорит он. – Жаль, что, когда мы отсюда выйдем, ты перестанешь так свободно со мной общаться.

– Почему перестану?

– Все перестают, – пожимает плечами Дамиан.

– А я не перестану!

– Ну-ну.

Чтобы прекратить этот бессмысленный спор, я прошу его рассказать мне о демонах. Ну интересно же! Тем более раз демонологию тут преподавать не будут, а Дамиан в этом дока...

Дамиан рассказывает. Кучу подробностей, которые точно не найдешь в учебнике. Ему нравится, он распаляется, начинает сыпать шуточками... В итоге, когда за нами приходит

фей, а Дамиан еще не успел дорассказать, что случилось с анимальным попугаем, которого он вызвал в семь лет, я машу рукой, но второй раз это не срабатывает.

– На урок! Оба! Живо! – вопит фей.

Дамиан меняется как по волшебству. Он даже исчезает, когда я, выходя, направляюсь к Габриэлю забрать сумку.

Вслед мне фей швыряет учебник по истории.

– Еще раз застукаю в карцере за чтением!..

– Так что там еще делать? – удивляюсь я, улыбаясь. Мне хорошо. Мне очень хорошо, особенно когда я вспоминаю улыбку Дамиана. Ну и пусть он сейчас куда-то делся: мальчик еще просто не понял, что счастье в моем лице от него уже не отстанет.

– Сидеть и размышлять о своем поведении, юная леди!

– Какой же он зануда! – бросаю я Габриэлю.

– Как скажете, принцесса.

В классе я демонстративно игнорирую последнюю парту в ряду у окна и занимаю ту, что рядом с Дамианом. Он перестает что-то увлеченно выискивать в своей сумке, поднимает голову и пораженно смотрит на меня. Ровно так же, как и весь остальной класс.

– Эй, новенькая, ты в курсе, что он бастард? – кричит мне на весь класс Вейл.

– А ты в курсе, что ты идиот? – парирую я и загораживаюсь от него сумкой. Потом поворачиваюсь, ловлю взгляд Дамиана. – Ты не против?

Да, улыбка у него тоже очень-очень красивая.

– Ну еще бы, так пялиться на него будет удобнее, – замечает кто-то из девочек, и все они заливаются смехом.

– Не обращай внимания, – говорит Дамиан, ловя мой взгляд.

Я усмехаюсь.

– Без проблем.

Мне хочется помахать рукой Ромиону: бедняга аж вывернулся весь, глядя на нас, сейчас шею сломает, а зачем мне бесхребетный жених? Но в класс заходит учительница, и все быстро возвращаются на свои места, а мой нареченный отворачивается.

Что-то колет меня в живот. Провожу рукой – и меня протыкивает смех.

Дамиан ловит мой взгляд, а я, как фокусник, вытаскиваю из-под туники вторую серебряную флягу. И шепчу:

– Хочешь еще сока?

Глава 5,

в которой принц просит помощи, а я чуть не раскрываю свой секрет

Смотреть, как Вейл отвечает у доски, простите, у зеркала, – одно удовольствие. Не знаю как, но он вдруг становится похожим на хорька, который готов улизнуть в любую дыру, лишь бы спастись. Дыры нет, но Вейл все равно шныряет взглядом по всему классу. Может, ждет подсказки?

Но подсказывать здесь, кажется, не принято.

– Горгульи... э-э-э... это младшие демоны... э-э-э...

Самое смешное: зеркало за спиной Вейла настроено так, чтобы отражать визуально все, что он говорит. И по мере ответа там появляется такая страхолюдина, что кто-то из девочек на первом ряду отодвигается подальше, а те, что сидят около Ромиона, принимают к нему.

Это действительно забавно – особенно когда сидишь на

последнем ряду.

Дамиан рядом со мной что-то пишет. Или рисует. А когда поднимает голову и ловит мой взгляд, то зачем-то машинально закрывает написанное (нарисованное?) рукой. Я поднимаю брови: мол, что? Дамиан улыбается, но руку не убирает.

Надеюсь, он не мой портрет пишет.

Вейл продолжает мучительно вспоминать то, что наверняка не читал. Под его «э-э-э» страхолюдина обзаводится громадными зубами, длинными заячьими ушами и львиным хвостом. Крылья отсутствуют. Крылья, как объясняет Вейл, горгулье ни к чему, ибо живет горгулья под землей. Чудовище в зеркале тут же становится похожим на гигантского крота.

Мадам Венга, та самая, которую я после вызова демона приняла за ученицу, мученически вздыхает, закатывает глаза, потом достает из-под стола книгу в розовой обложке с ярким сердечком и вся погружается в хитросплетения романтического сюжета.

Под землей, уверен Вейл, горгулья охотится на зайцев. Зеркало удивленно моргает, но выдает зайца. Вместо того чтобы бежать, тот быстро-быстро передними лапами, похожими на кротовьи, роет нору, а потом ввинчивается в нее ушами вперед.

– Звезды! – шепчет кто-то из девочек в переднем ряду и отъезжает от зеркала вместе с партой.

Дамиан продолжает увлеченно рисовать. Я тяну шею, но за его рукой ничего не вижу. Хм, может, обидеться? Что еще за секреты?

Но тут Вейл переходит к сакраментальному: пожавшая земляного зайца горгулья собирается спариваться с другой горгулей. Вейл воодушевляется, и я понимаю, что градус бреда сейчас достигнет критической отметки.

На поднятый вверх открытый на нужной картинке учебник Вейл реагирует не сразу. Он щурится, вглядывается... Потом отмахивается и продолжает нести чушь.

– Что ты делаешь? – удивленно шепчет, отвлекшись от художественной самодеятельности, Дамиан.

Перелистываю учебник на картинку покрупнее.

– Пытаюсь подсказать. Я уже не могу это слушать!

Дамиан глядит на зеркало у Вейла за спиной и хмыкает:

– Бесполезно.

Учительница тем временем дочитывает свой роман до какой-то неприятной сцены, морщится – и я быстро убираю учебник. Наверное, ее любимые герои поссорились.

Закрыв роман, мадам Венга поворачивается к зеркалу, ахает и снова открывает книгу. Правильно, даже поссорившиеся герои лучше брачного периода горгулий.

Вейл, явно севший музе на хвост, продолжает нести такой бред, что даже зеркало за его спиной не всегда справляется с визуализацией.

– Забавно, – шепчет Дамиан, возвращаясь к своему ри-

сунку. — Он почти точно описал, как выглядит и ведет себя мариинская землекопка.

Я знаю только Мариинский театр, поэтому удивленно поднимаю бровь. Дамиан тянется к моему учебнику.

— Вот.

— Убери. — Землекопка действительно похожа на горгулью в исполнении Вейла. — А что ты рисуешь?

— Ничего, — тут же отзывается Дамиан, но я успеваю заметить, что рисунок напоминает его подвеску, с которой Дамиан, кажется, никогда не расстанется.

Песок в часах, отмеряющий длительность ответа, наконец пересыпается весь, и Вейл получает свою заслуженную двойку. А потом кто-то из девочек — никак их всех не запомню — выходит к зеркалу и быстро исправляет Вейловы художества. Вейл вздыхает («Так же хорошо все было!») и тем временем делает девушке знаки: кажется, приглашает ее в лунную рощу к соловьям. Девушка хмыкает, но соглашается.

А потом у Ромиона начинают расти уши. Ослиные — на большее у меня фантазии, к сожалению, не хватило. Эх, вот я не знала — надо было к Вейлу обратиться! Он бы помог, оригинальнее бы вышло. Но ослиные уши — тоже ничего, особенно если учесть, что принц их, кажется, не замечает. А они себе потихоньку растут. Девушка, отвечающая у зеркала, запинаясь и смотрит на него, прижав ладонь ко рту. Косится на учительницу, но та увлечена романом — приходится рассказывать про горгулий дальше, но это сложно, когда тут

уши... Она заикается, и, вострепёнувшись, на нее (а потом и на Ромиона) смотрят уже практически все. Даже Дамиан поднимает взгляд, недоуменно моргает, потом хмурится. И, повернувшись ко мне, указывает на Ромиона, жестом спрашивая: «Ты?» Я улыбаюсь.

Вчера после занятий Дамиан показал мне алхимический кабинет – я очень просила. Проснулся у меня внезапный интерес к зельям. Дело в том, что правильно сваренное зелье может применить кто угодно, даже не колдун. А я не колдун. И, честно говоря, немного боязно было в первый раз, но я соорудила сиротинушку, и Дамиан с удовольствием мне все нужное сварил – в чисто научных целях.

Подлить эту бурду Ромиону в бокал за обедом было проще простого. Наверное, Дамиан преувеличивал, когда говорил, что мачеха пыталась его отравить. Если бы действительно пыталась, Ромион был бы уже мертв: когда я подливала ему зелье, его бокал стоял на подоконнике, а сам принц, сидя в кресле рядом, увлеченно что-то читал и ничего не заметил.

Дамиан делает большие глаза, дергает уголок рта – прямо как Ромион – и на новом листке быстро пишет: «Ты знаешь, что у этого зелья срок действия неделя?»

Я пожимаю плечами. Нет, как-то не интересовалась этим вопросом. К тому же... расколдуется. Какой-нибудь придворный маг придет и расколдует, подумаешь! А если и нет – я от своего проклятия страдаю всю жизнь. Пусть тоже вкусит эту прелесть.

Дамиан смотрит на меня и быстро пишет: «С тобой опасно иметь дело». Я польщенно улыбаюсь. Да-а-а, опасно. Я, хм, буду мстить, и мстя моя будет ужасна. Вот.

Ромион тем временем все-таки замечает уши. Эх, жаль, он сидит ко мне спиной и я не вижу его лица... В любом случае учительница быстро и без шума отправляет его в алхимический кабинет. Ромион уходит, держась за уши. Они все еще растут. Качественное зелье.

Дамиан быстро остужает мою радость: «Он вычислит, кто это сделал».

Пожимаю плечами. Насколько я знаю, на меня не действуют никакие проклятия или зелья, ибо я уже и так крепко проклята. Так что пусть вычисляет. Что он мне сделает?

Я только быстро пишу на клочке бумаги: «Боишься, что и тебе попадет?»

Дамиан с усмешкой качает головой.

«Тогда, может, еще что-нибудь мне сварить?»

Дамиан задумывается, но потом, улыбаясь, пишет: «Рад служить вам, принцесса».

Мысленно я добавляю «*моя принцесса*» и с усмешкой закатываю глаза. Остаток урока мы выбираем следующее зелье для сугубо научных целей. Еще не знаю, кому дам его выпить, но что такого? Тут слишком скучно. И слишком много людей, которые меня не любят. Мастер Хэвишем на очереди первый...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.